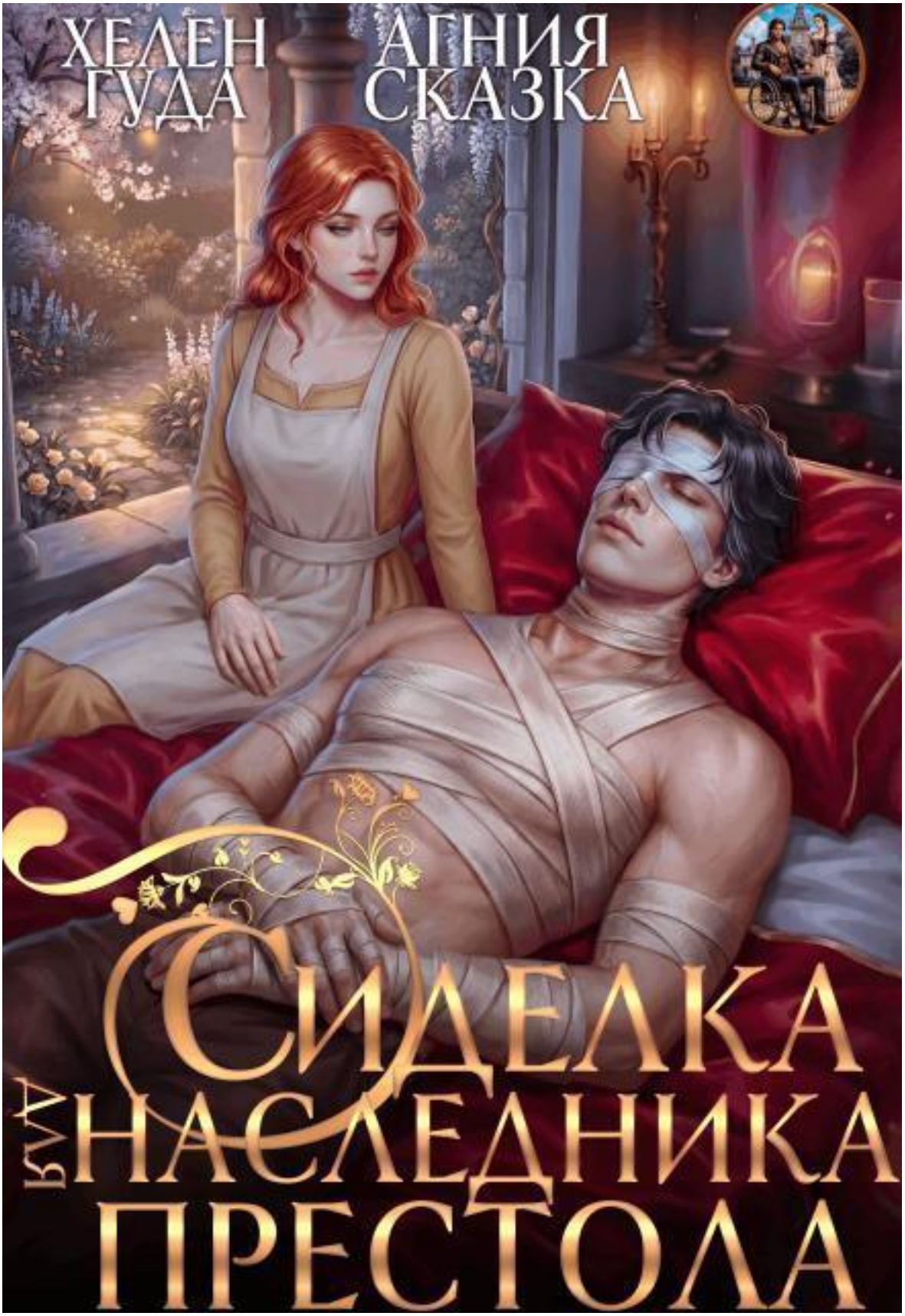
ХЕЛЕН ГУДА
АГНИЯ СКАЗКА
Сиделка для наследника престола

Хелен Гуда

Сиделка для наследника престола

«Литнет»
2026

Гуда Х.

Сиделка для наследника престола / Х. Гуда — «Литнет», 2026

Нарушать правила — мой конёк.Врач из другого мира, я спасаю жизни там, где другие опускают руки. Пока не спасла его.Я выходила загадочного незнакомца. Теперь его враги — мои, а он сам предлагает мне место в золотой клетке своего гарема. Но я не привыкла быть игрушкой.Я выбираю другой путь. Ведь сердце такая же уязвимая точка, как и любая рана. А я знаю, как с ними работать. Главное свое не потерять по пути…Книга пишется в рамках литмоба «Чудотворная любовь»

© Гуда Х., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. 10
Глава 2. 18
Глава 3. 26
Глава 4. 34
Глава 5. 41
Глава 6. 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Пролог

Хлоп!

Я даже присела с перепугу, но дальше никакого звукового сопровождения моего появления в пристройке не последовало. Огляделась. Оказывается, это ступка с пестиком со стола свалилась, задетая мужской ногой. Обладателя этой самой ноги, как и ее пары, я как раз затаскивала в свою пристройку, с отдельным входом.

Жаль дверь узкая и тележка на которой я его сюда притащила в нее не пройдет.

– Лира, ради всех духов и богов, объясни кто это и что он здесь делает? – раздался голос позади меня, и я скривилась, словно лимон проглотила. Медленно оборачиваюсь и вижу свою благодетельницу и хозяйку имения леди Эльвиру Седбок.

– Тетушка, – начала я стараясь встать так, чтобы загородить собой раненого, но он словно специально решил именно в этот момент застонать.

– Раньше ты ходила и изображала из себя лекаря по моим арендаторам и лечила их детей, а сейчас ты притащила в мой дом раненого, – старушка что когда-то спасла меня когда я угодила в этот мир, была не на шутку сердита. Я правда отплатила за свое спасение сразу же, вылечив ее и поставив на ноги, когда местные мужи-лекари советовали ей готовиться к смерти.

– Леди Эльвира послушайте пожалуйста, – я натянуто улыбнулась. – Я просто не могла бросить его там на дороге.

– Где ты его нашла и кто он вообще? – старушка заглянула ко мне за спину и в ужасе отшатнулась. – Боги всевидящие, он вообще живой еще.

– Пока да, но чем дольше я болтаю здесь, тем меньше у него шансов таковым остаться, – я уже не пыталась загородить собой мужчину, а отодвинув в сторону старушку начала раздевать раненого и затаскивать его на кушетку.

– Я сейчас пришлю Генри, он тебе поможет, – старушка энергично выскочила из флигеля и умчалась за садовником.

– Хорошо, – я села на стул, выбившись из сил и пытаясь перевести дух.

Леди Эльвира вернулась с поразительной для ее лет и обычно размеренной походки скоростью. Вслед за ней, запыхавшийся и с глазами, полными немого вопроса, втиснулся в дверной проем Генри. Садовник был широк в плечах, а руки его, привыкшие к лопате и секатору, казались способными удержать что угодно.

– Генри, помоги девушке! – скомандовала леди Эльвира, указывая на тело у моих ног. – На кушетку. Осторожнее!

Генри молча кивнул. Его движения были неловкими, но сильными и уверенными. Вместе мы подхватили бесчувственное тело – я под плечи, он под колени – и переложили его на жесткую кушетку у стены. Мужчина снова издал стон, слабый и хриплый. При свете зажженной леди Эльвирой лампы его лицо казалось восковым, лишенным крови.

– Теперь, – старушка повернулась ко мне, скрестив руки на груди. Ее гнев, казалось, уступил место холодному, хирургическому любопытству. – Рассказывай. Где нашла? И кто он, по-твоему?

– На старой лесной дороге, у Древнего Рва, – начала я, отлепляя от раны на боку остатки пропитанной кровью рубахи. Ткань присохла, приходилось отмачивать ее водой из кувшина. – Он был не один. Остальные… не выжили. А кто он – понятия не имею. Но судя по одежде…

Мои слова замерли на губах, когда рубаха наконец поддалась. Генри тихо ахнул и отступил на шаг. Даже леди Эльвира, видавшая в своей жизни всякое, резко втянула воздух.

Тело мужчины было… исписано. Не метафорой страданий, а самой что ни на есть буквальной историей боли. Свежая, сочащаяся рана на боку была лишь самым новым штрихом на этом полотне. Рядом с ней серебрились старые, аккуратные шрамы от клинков – следы не

одной битвы. Чуть ниже ребер темнел уродливый ожог, похожий на отпечаток раскаленного железа. На предплечьях виднелись глубокие борозды, словно его когда-то держали на цепях. А по всей спине и груди, будто седые нити, тянулись давно зажившие следы от ударов плетью.

Это была не просто травма. Это был архив насилия, биография, выжженная и вырезанная на плоти.

– Милосердные духи, – прошептала леди Эльвира, приближаясь. Ее тонкие пальцы, не дрогнув, осторожно провели над ожогом, не касаясь кожи. – Это… это не просто случайный путник, Лира. Такие отметины не получают в честном бою или от разбойников.

– Я… я видела, как на них напали, – тихо сказала я, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Зрелище было жутким, если честно. – Нападавшие… они были быстры, как тени. А потом… просто исчезли. Как будто их и не было.

– Исчезли? – леди Эльвира резко подняла на меня взгляд. Ее глаза, казалось, выжгли во мне дыру. – Опиши.

– Серые плащи, без опознавательных знаков. Двигались бесшумно. Обыскали мертвых и… растворились в воздухе, как только я попыталась их спугнуть. Я даже толком лиц не разглядела.

Леди Эльвира закусила губу. Ее взгляд снова скользнул по истерзанному телу на кушетке, и в ее глазах вспыхнуло нечто острое и знакомое – расчетливый, холодный страх.

– Генри, – сказала она, не отрывая глаз от раненого. – Принеси дров и растопи печь. Воды вскипяти, побольше. И ни слова никому. Ни единого слова. Понял?

Садовник, бледный как стена, кивнул и выскользнул наружу, стараясь не смотреть в сторону кушетки.

– А ты, – леди Эльвира повернулась ко мне, и в ее голосе не осталось ни гнева, ни упрека. Был лишь стальной, не терпящий возражений приказ. – Мои снадобья ты знаешь. Черный сундук, полка вторая, склянки с зелеными восковыми пробками. Очищающий отвар и мазь для ран, чтоб не гноились. А также… принеси из моей лаборатории маленькую шкатулку, обитую свинцом. Ту, что в потайном отделении стола.

– Свинцовую шкатулку? Тетушка, но там же…

– Там то, что может понадобиться, если его раны не только физические, – она оборвала меня. Ее лицо было непроницаемо. – Те, кто оставил на нем эти следы, и те, кто пришел сегодня добить… они редко действуют в одиночку. И их методы бывают… неестественными.

Она наклонилась над раненым, и ее шепот был таким тихим, что я едва расслышала:

– Что же ты за птица такая, что на тебя объявили такую охоту? И что за шторм ты принес в мой тихий дом?

А мужчина, как будто в ответ, снова застонал. Его пальцы, обезображенные старыми переломами, судорожно сжались. Казалось, даже в беспамятстве он пытался за что-то ухватиться. За жизнь, которая, судя по всему, уже давно была для него не подарком, а испытанием. И я поняла, что привезла с собой не просто раненого.

Я привезла бурю. И теперь нам предстояло в ней выстоять.

Уважаемые читатели, добро пожаловать в мою книгу, и сразу же предлагаю пофантазировать и представить как будет выглядеть наша героиня, пока будет выхаживать раненого.

Глава 1.

Запах антисептика въелся в кожу, стал частью меня. Четвертые сутки дежурства в реанимации скручивали виски стальным обручем, но где-то в глубине, под слоями усталости, все еще теплилось то самое – острый, почти болезненный восторг от возможности стоять на краю и тянуть обратно. Сегодня этим краем была девочка лет семи, Алина, с раздробленным в ДТП тазом и внутренним кровотечением, которое не желало останавливаться.

Мониторы пели тревожную монотонную песню. Давление падало, несмотря на все наши усилия – литры плазмы, вазопрессоры на максимуме, повторная лапаротомия. Хирурги уже развели руками, устало вытирая лбы.

– Лера, все, это агония, – сказал старший, и в его голосе не было поражения, лишь холодная констатация факта. Но я видела, как дернулся палец на крошечной руке, обклеенной датчиками. Видела на ЭКГ не угасающую линию, а яростную, отчаянную борьбу – внезапный всплеск активности, последний бросок организма, который отказывался сдаваться.

И я поняла: они упустили что-то. Не ошибку, нет. Что-то мимолетное, едва уловимое в данных анамнеза, мелькнувшее в истории болезни, привезенной из другой больницы. Бабушка, сопровождавшая девочку, в истерике выкрикнула про редкий диагноз в семье – болезнь Виллебранда третьего типа. Не классическая гемофилия, а коагулопатия, при которой стандартные протоколы могли не сработать. Нужен был особый концентрат факторов свертывания, который у нас в запасе не значился. Но он был. Я знала. В экспериментальном отделении, в двух корпусах отсюда, лежала партия того самого препарата, завезенная для исследовательской программы. Бумажная волокита на его получение заняла бы часы. У нас не было минут.

Я не побежала. Я взлетела по лестницам, сердце колотилось не от нагрузки, а от бешеного ритма того самого всплеска на мониторе, который уже должен был погаснуть. Двери, коридоры, еще двери. Код от лаборатории – слава богу, помнила. Холодильник, коробка, холодящие пальцы ампулы. Обратный путь слился в один сплошной рывок сквозь время, которое текло сквозь пальцы, как песок.

В реанимации все было тихо. Слишком тихо. Хирург снимал перчатки. Монитор над Алиной показывал унылую прямую.

– Отошла, – бросил он, не глядя на меня. Но я уже не слушала. Я видела не прямую, а последнюю, затухающую пульсовую волну всего три секунды назад. Клиническая смерть только началась. Мозг еще жил.

Я влетела к столу, оттеснив медсестру, одной рукой набирая в шприц драгоценный раствор, другой начиная непрямой массаж сердца.

– Лера, прекрати! Это бесполезно! – чей-то голос.

Мой собственный голос звучал чужим, низким и железным:

– Концентрат восьмого фактора, болезнь Виллебранда третьего типа. Дайте мне четыре минуты!

Дефибриллятор. Разряд. Хрупкое тельство вздыбилось и упало. Прямая. Еще разряд. Снова прямая. Я продолжала качать ее грудину, в такт, безжалостно, вливая препарат в катетер. В голове стучало:

Живи. Живи. Живи.

Это была уже не просьба, не молитва. Это был приказ. Приказ всему миру, законам физиологии, самой смерти.

И тогда случилось то, чего не должно было быть. В момент третьего, отчаянного разряда, когда мои ладони лежали на ее груди, а взгляд был прикован к монитору, я почувствовала не удар тока через перчатки, а… разрыв. Тихий, всепоглощающий хруст реальности. Воздух вспыхнул ослепительно-белым светом, который шел не от ламп, а изнутри – из меня, из

девочки, из точки, где наши жизни сплелись в один тугой, рвущийся узел. Звуки реанимации – писки аппаратов, голоса – утонули в оглушительном звоне. Я не потеряла сознание.

Я *увидела*.

Увидела, как нить, связывающая душу Алины с телом, тонкая, как паутинка, истерзанная, но еще цепляющаяся, вдруг вспыхнула золотым светом. И рядом с ней – мою собственную нить, прочную, насыщенного синего цвета. И я, не думая, действуя чистым инстинктом, тем самым, что заставлял искать ответ в историях болезни, *обвила*свою синюю нить вокруг ее золотой. Подкрепила. Отдала кусок собственной жизненной силы, чтобы та удержалась.

Свет поглотил все.

Я очнулась от запаха, который перечеркивал всю мою прежнюю жизнь. Не антисептик. Сырая земля, прелая листва, дымок далекого костра и… озон? Словно после грозы. Я лежала на спине, глядя в небо, где плыли две луны – одна серебристо-белая, привычная, другая, поменьше, с малиновым отливом. Боль в ребрах утихла, сменившись глубокой, тотальной усталостью, будто я выжала себя досуха. Мне что тоже делали непрямой массаж сердца? Если нет, то почему так болят ребра и такое всепоглощающее чувство усталости ? Но вместе с усталостью пришла и ясность, кристальная и пугающая.

Поднялась. Вокруг был лес, но не наш, подмосковный. Деревья тянулись к странным лунам. Воздух дрожал едва заметным свечением. Я была все в тех же зеленых хирургических штанах, кофте, в кроссовках, а в кармане нащупала шприц и одну оставшуюся ампулу концентрата. Абсурд.

– Ты не понимаешь где ты и как сюда попала? – раздался голос около меня, и я резко обернулась.

Я резко обернулась, сердце заколотилось с новой, дикой силой. В двух шагах от меня, прислонившись к серебристому стволу дерева, стоял… человек? Почти. Слишком высокий, слишком гибкий, будто у него не было ни одной кости. Лицо — острые скулы, раскосые глаза цвета весенней листвы, в которых светились не зрачки, а два крошечных, мерцающих вихря. Одежда — какие-то серые, струящиеся лохмотья, сливающиеся с сумерками. Он не выглядел враждебно. Скорее… заинтересованно-скучно, как ученый, рассматривающий неожиданный образец под микроскопом.

– Ты не понимаешь, где ты и как сюда попала? — повторил он. Голос был похож на шелест сухих листьев, на скрип веток. Без эмоций, но и без угрозы.

Я сделала шаг назад, спотыкаясь о корень.

– Кто вы? Где я? Это… побочка от разряда? У меня контузия? — слова вылетали сами, нарастающая паника пробивала ледяную ясность. Логика, единственный знакомый спасательный круг, цеплялась за знакомое: несоблюдение техники безопасности, удар током, галлюцинации из-за переутомления и адреналина.

Существо, казалось, уловило ход моих мыслей. Оно усмехнулось — уголки рта дрогнули, но глаза-вихри не изменились.

– Ток? Нет, Человек-Врач. Не ток. Ты коснулась нитей Прядения. Силой воли, той самой, что заставила тебя бежать за лекарством и кричать «Живи». Ты вплела свою жизненную нить в нить умирающего дитя. Неискушенная, грубая работа, но… эффективная. Ты вмешалась в то, во что не имела права вмешиваться по законам твоего мира.

– Не имела права? Я спасала пациента! Ребенка! — вырвалось у меня, и в голосе зазвенела знакомая, профессиональная ярость. – Это моя работа!

– Твоя работа — следовать протоколам твоего мира, где смерть — это конец. Не оспаривать её. Ты оспорила. И выиграла. Но плата за такую победу — изгнание с поля боя.

Холодная волна прокатилась по спине.

– Изгнание? Что вы…

– Девочка жива, — перебило меня существо, и его слова повисли в воздухе, будто отлитые из металла. – Её нить укрепилась. Она будет дышать, расти. Благодаря тебе. Но равновесие — фундаментальный закон всех миров. Жизнь, отнятая у смерти, должна быть чем-то компенсирована. Ты отдала частицу своей собственной жизненной силы как катализатор. Но сама при этом… выпала из ткани твоей реальности. Тебе ещё не пора и не время умирать в твоём мире, твоя собственная нить слишком прочна. Поэтому ты не умерла. Ты… переместилась. Сюда.

Оно махнуло длинной, тонкой рукой, обводя горизонт с двумя лунами, лес, дрожащий воздух.

– Этот мир. Пограничье. Место, куда иногда смывает тех, кто слишком сильно дернул за нити судьбы. Где законы… гибче.

Всё рушилось. Всё, во что я верила. Наука, причинно-следственные связи, материальность мира. Врач во мне отчаянно цеплялся за последнее.

– Девочка… Алина… жива? Вы уверены?

– Абсолютно, — ответило существо. – Её свечение теперь прочно вплетено в полотно твоего мира. Но её место там — значит, твоего там больше нет. Принцип равновесия. Одно — вместо другого, в самом грубом смысле.

Значит, я спасла её. Цена — всё. Карьера, дом, мир. Я сглотнула ком в горле. Паника сменилась ледяной, тошнотворной пустотой. Шок уступал место осознанию безнадёжности.

– И… теперь что? Куда мне? — мой голос прозвучал тихо, глухо, как у пациента, узнающего о неоперабельной опухоли.

Существо наклонило голову, изучая меня. Вихри в его глазах закрутились быстрее.

– Ты задаёшь правильный вопрос. Ты — аномалия. Сбой. Но в этом мире аномалии… ценны. У тебя есть искра. Грубая, неотёсанная, но искра силы, касающейся жизненной энергии. Здесь это называют Пробуждением. Пусть и вынужденным. Ты пригодишься.

– Пригожусь? Как? Я врач, я…

Я замолчала, поняв абсурдность слов. Я была врачом *там*. Здесь я была ничем. Диковинкой.

– Здесь тоже есть раны. Болезни. Разрывы плоти и духа, — сказало существо, отталкиваясь от дерева. — Твой инстинкт — цепляться за жизнь. Здесь это не просто инстинкт. Это может стать ремеслом. Искусством. Оружием. Тебе нужно научиться. Иначе неконтролируемая искра внутри тебя сожжёт тебя саму или привлечёт то, что не следует привлекать.

Оно сделало шаг в сторону, вглубь леса, где между деревьев виднелась слабая тропинка.

– Я отведу тебя к тем, кто разбирается в таких, как ты. К Странникам Порога. Решай. Останешься здесь — замерзнешь или станешь добычей лесных тварей. Пойдёшь со мной — получишь шанс понять, что с тобой случилось, и возможно, обрести новую цель.

Новая цель? После всего этого? Мои ноги онемели. Голова снова закружилась. Усталость, настоящая, физическая, выедающая все силы, накатила новой, сокрушительной волной. Боль в рёбрах заныла с новой силой — не от массажа, поняла я наконец. А от того, что я, как та самая нить, была грубо выдернута из своей ткани бытия. Тело кричало о травме, которой нет в учебниках.

– Хорошо, — прошептала я, и это было капитуляцией. — Ведите.

Существо кивнуло и тронулось по тропе. Я сделала шаг за ним, второй. Мир вокруг поплыл. Краски малиновой луны и серебристой листвы слились в водоворот. Звук его шагов, шелестящих по листьям, отдалился, стал эхом. Колени подкосились.

Тьма сомкнулась, и на этот раз в ней не было ни белого света, ни золотых нитей. Только бездонная, одинокая тишина между мирами.

Сознание вернулось не сразу. Оно подкрадывалось, как вор, крадучись по краю восприятия. Сначала я почувствовала тепло. Тяжелое, мягкое, окутывающее с ног до подбородка. Потом запах — не земли и озона, а старого дерева, воска для паркета и слабого, едва уловимого

аромата сухих трав. И только потом — звук. Не шелест листьев, а ровное, спокойное потрескивание поленьев в камине.

Я открыла глаза.

Над головой простирался не свод из ветвей и двух лун, а высокий потолок, украшенный лепниной в виде виноградных лоз. Бледно-золотистый свет струился из окна, завешанного плотной, но дорогой шторой. Я лежала на огромной кровати с резными дубовыми столбами, утопая в перинах и подушках. На мне было не мое походное тряпье, а длинная ночная рубашка из мягчайшей, слегка поношенной льняной ткани.

Паника, острая и мгновенная, ударила в виски. Где я? Что случилось с существом? Со Странниками Порога?

Я попыталась резко сесть, и мир завертелся. Голова закружилась, в висках застучало. Рёбра по-прежнему ныли тупой, глубокой болью, но теперь она была приглушена теплом и покоем. Я зажмурилась, пытаясь ухватиться за нить воспоминаний. Лес. Две луны. Существо с глазами-вихрями. Темнота.

Дверь в комнату тихо скрипнула.

Я замерла, притворившись спящей, наблюдая сквозь ресницы.

В комнату вошла старушка. Высокая, прямая, несмотря на годы, одетая в темно-синее платье с кружевным воротничком. Серебряные волосы были убраны в строгую, но изящную прическу. Лицо — морщинистое, доброе, с живыми, пронзительно-голубыми глазами, в которых светился острый ум. Она несла поднос.

— А, я слышала, как ты зашевелилась, дитя мое, — голос у нее был низкий, бархатный, полный спокойной уверенности. Она поставила поднос на прикроватный столик. На нем дымилась чашка с чем-то травяным и лежала пара булочек, источающий аромат свежей выпечки. — Не пугайся. Ты в безопасности.

Я осторожно приподнялась на локтях, не сводя с нее глаз. Врач во мгновение ока анализировал: походка уверенная, руки чистые, с едва заметными следами старой краски или травяных соков под ногтями. Никакой угрозы. Только… материнская забота? Нет, что-то более профессиональное.

— Где… Кто вы? — мой голос прозвучал хрипло, чужим.

— Я — Эльвира. Леди Эльвира Вейлор, если быть совсем официальной. Но здесь, в этом доме, я просто Эльвира, — она улыбнулась, и морщинки у глаз разбежались лучиками. — А ты находишься в моем особняке, на окраине городка Заречье. Мои садовники нашли тебя три дня назад в Лесу Шепчущих Стражей, почти у самой ограды парка. Без сознания, в странных одеждах. Они испугались, но принесли тебя сюда. Ты спала, как убитая, лишь изредка бредила.

Три дня. Я выпала из времени. Я медленно кивнула, с трудом переваривая информацию. Лес Шепчущих Стражей. Значит, существо все-таки привело меня куда-то к людям. Или почти к людям.

— Я… меня зовут Лера, — сказала я, решив пока не усложнять, и назвать свое имя. И после всего, что случилось, после этой вселенской несправедливости, странным образом захотелось сказать правду. Хотя бы кому-то. — Я… я врач. Откуда-то очень далеко. Я спасла ребенка, а потом… потом все исчезло. Я оказалась в том лесу. Со… с существом, которое говорило о нитях и равновесии.

Я ждала насмешки, недоверия, испуга. Но леди Эльвира лишь внимательно выслушала, кивая. Затем она села на край кровати, бережно поправила одеяло.

— Странники Порога, — тихо произнесла она. — Они редко водят людей прямо к нашим порогам. Обычно они забирают себе подобных. Значит, в тебе есть что-то… особенное. Что-то, что не принадлежит полностью их миру, но и в наш пока не вписалось.

От ее слов по спине побежали мурашки. Она знала. Она не просто знала — она понимала.

— Вы… вы верите мне? — вырвалось у меня.

— Дитя мое, я живу на самом краю Заречья, у самого Леса, почти всю жизнь. Мой покойный муж, Лоренс, был не просто врачом. Он был тем, кого здесь называют «целителем очага». Лечил и тело, и дух. И он… иногда общался с теми, кто не совсем из нашего мира. Я помогала ему. Видела вещи, которые не объяснить учебниками по медицине. Хотя учебники, — она с легкой ностальгией взглянула на полки, уставленные фолиантами в кожаных переплетах, — у нас тоже были. Ими мы пользовались чаще.

Она говорила так просто как ни в чем не бывало, будто обсуждала рецепт целебного отвара. Во мне что-то дрогнуло и начало оттаивать. Здесь, в этой странной, пахнущей воском и травами комнате, мой мир не был сумасшествием. Он был… частью реальности. Пусть и ужасной.

Я рассказала ей все. Про Алину, про реанимацию, про золотые нити и чувство, будто меня вырвали с корнем. Про цену спасения. Голос срывался, в горле стоял ком. Я плакала впервые с того момента, как пришла в себя между двух лун. Плакала от потери, от несправедливости, от страха.

Эльвира молча слушала, лишь изредка подбадривала, и протянула мне платок из кармана платья. Когда я закончила, она долго смотрела в окно, где уже зажигались первые вечерние звезды и появилась луна. Одна, к счастью.

— Ты заплатила высшую цену, какую только может заплатить настоящий врач, — наконец сказала она. — Себя — за пациента. В нашем мире за такое дают титулы и награды. В твоем… вышвыривают за борт. — Она вздохнула. — Но раз уж тебя выбросило сюда, на этот берег, значит, тебе здесь предстоит жить. Хоть какое-то время.

Она повернулась ко мне, и в ее голубых глазах засветилась решимость.

— Я живу одна. Детей у нас с Лоренсом не было, родственники далеко. Дом большой, пустой. Садовники и горничная приходят только днем. По старой памяти люди все еще идут сюда за помощью — приносят детей с лихорадкой, стариков с больными суставами, травмированных работников из леса. Война обошла нас стороной, но бывают и солдаты раненные. Я справляюсь, как могу, пользуясь записями Лоренса и своими скромными познаниями. Но я не врач. А ты — врач. И, судя по всему, не просто врач. В тебе есть искра, о которой говорил Странник. Ее можно использовать во благо. Или она сожжет тебя изнутри.

Она наклонилась чуть ближе.

— Останься. Побудь моей… помощницей. Племянницей, приехавшей из далеких краев. Мы скажем, что тебе подойдет имя Лира — это звучит похоже, но не вызовет лишних вопросов. У тебя будет кров, еда, цель. Ты сможешь помогать людям. И, возможно, я смогу помочь тебе понять, что теперь с тобой происходит. У Лоренса остались кое-какие книги… особенные. Может, в них найдутся ответы.

Предложение повисло в воздухе, сладкое и пугающее. Остаться. Притвориться другой. Начать все с чистого листа в мире, где я ничего не знаю. Но что было альтернативой? Бродить по лесам Пограничья в поисках Странников, которых я, возможно, больше не увижу?

Я посмотрела на свои руки. Те же руки, что делали уколы, накладывали швы, держались за плечо матери Алины. Они могли быть полезны и здесь. Мое знание, моя ярость, моя боль — все это можно было направить в нужное русло. Не на разрушение, а на созидание. Пусть и в чужом мире.

Я встретилась взглядом с Эльвирой. В ее взгляде не было жалости. Было уважение. Предложение коллеги, пусть и из разных вселенных.

— Я останусь, — тихо, но четко сказала я. — Лира. Я буду Лирой. И… я буду помогать. Чем смогу.

На лице леди Эльвиры расцвела теплая, искренняя улыбка. Она взяла мою руку и легонько сжала.

— Добро пожаловать домой, Лира. Сейчас выпей отвар, он укрепит силы. Завтра я покажу тебе дом, библиотеку и нашу «лечебную» — кабинет в западном крыле, во флигеле. Там еще стоит кое-какой инструмент моего Лоренса. Думаю, ты разберешься.

Она вышла, оставив меня наедине с потрескиванием камина и новым именем. Я откинулась на подушки, глядя на лепные виноградные лозы над головой. Боль в ребрах теперь казалась не просто болью, а шрамом, меткой перехода. Я спасла Алину. Она жила в моем мире. А я… я буду жить здесь. Быть Лирой. Помогать. Учиться. И, возможно, однажды понять, какую именно «искру» я в себе носила и что мне с ней теперь делать.

За окном, в сгущающихся сумерках, зажглась одна-единственная, знакомая луна. И впервые за долгое время в груди, рядом с пустотой и болью, теплился крошечный, слабый огонек — не ярости и отчаяния, а тихой, неуверенной надежды.

Книга участвует в литмобе
«Чудотворная любовь»18+
По ссылке можно найти и другие книги нашего литмоба
https://litnet.com/shrt/72Uz

Литмоб
"Чудотворная
Его наказало
и он больше н
людям
Но любовь
исцелить люб

Глава 2.

Прошло около полугода.

Я, научилась различать шепот этого мира. Шорох не был просто шорохом — он мог быть предупреждением Леса или просто игрой ветра. Травяной чай на столе у Эльвиры никогда не был просто чаем — это была тщательно составленная формула против бессонницы, для пищеварения или для ясности ума. И боль… боль здесь тоже говорила на ином языке. Она могла быть холодной, липкой тенью на душу, а не только острым кинжалом в боку.

Я обжилась. Моя комната перестала быть гостевым покоем. На столе, рядом с потрепанными медицинскими томами Лоренса (я выучила местный язык шокирующе быстро — стресс и необходимость, как оказалось, лучшие учителя), лежали мои собственные заметки. Сравнительная анатомия: «Похоже на аппендицит, но боль мигрирует… Возможно, влияние „сырого“ болотного тумана, упоминаемого в локальном фольклоре». Фармакология: «Отвар коры серебряной ивы — мощный антисептик и легкий анальгетик. Не сочетать с лунным мхом — вызывает галлюцинации».

Я стала второй парой глаз и умелых рук для леди Эльвиры. Наш «кабинет» во флигеле пах теперь не только пылью и старостью, но и лекарствами, сваренными из местных корнеплодов, и свежими бинтами. Инструменты Лоренса я отчистила, наточила и дополнила тем, что смогла выковать у местного кузнеца за пару вылеченных им растяжений.

Первый серьезный случай пришел через месяц. Прибежала рыдающая жена арендатора. Ее муж по имени Кэл арендовал домик и поля прилегающие к нему у леди Эльвиры.

– Лира, леди, он топором… почти отсек! – и женщина заплакала навзрыд.

Это была не почти. Это была рваная, глубокая рана на бедре, повредившая артерию. По всем земным меркам — срочная операция в стационаре, переливание крови. Здесь была только я и Эльвира, кипящая вода, да моя решимость.

Я работала, не чувствуя времени. Наложила жгут из прочного кожаного ремня, нашла и перевязала сосуд, очистила рану от щепок и грязи, аккуратно сшила мышцы и кожу. Руки помнили каждое движение. Эльвира без слов подавала инструменты, капала настойку для усыпления (сильнодействующую и рискованную, но выбора не было). Когда я сделала последний стежок, за окном уже темнело. Кэл дышал ровно, лицо потеряло смертельную белизну.

Его жена смотрела на меня с благоговением.

– Вы… вы ведь не простая помощница, да? — только и спросила она. Эльвира тихо положила руку мне на плечо.

– Она — Лира. Этого достаточно.

После этого случая ко мне стали относиться иначе. Не как к странной племяннице из дальних краев, а как к «молодой госпоже Лире», к которой можно обратиться.

Был мальчишка, Томми, сын угольщика. Лихорадка, бред, сыпь. У Эльвиры в записях значилось как «алая тряска» — видимо, аналог скарлатины. Но течение было слишком быстрым, слишком злым. Я прописала покой, обильное питье и отвар из бузины и тимьяна, но ночью проснулась от странного чувства — будто тонкая, невидимая ниточка внутри меня натянулась и задрожала. Та самая «искра». Я накинула плащ и побежала в их домик на краю поселка.

Ребенок горел. Дыхание было поверхностным. И в полутьме комнаты мне снова почудилось… свечение. Тусклое, болезненное, мерцающее вокруг его маленького тела, словно свеча на ветру. Безотчетно, движимая инстинктом, я положила ладонь ему на лоб. Не чтобы измерить температуру. Я сосредоточилась на том чувстве вытянутой нити, на том яростном «Живи!», что когда-то спасло Алину. Я не вплетала ничего. Я просто… поддержала. Как подпорку под

слабеющей веткой. Мысленно представила, как это болезненное мерцание становится ровнее, ярче, крепче.

Я просидела так, может, час. Потом свечение стабилизировалось. А к утру и температура упала. Томми открыл глаза и попросил воды. Его мать плакала, называя это чудом. Для меня чудом было то, что я не навредила. Что «искра» послушалась смутного желания помочь, а не вырвалась наружу огненным вихрем.

Таких случаев было несколько. Я лечила вывихи, рожистые воспаления, помогала принимать роды. Училась использовать местные травы, грибы-трутовики для остановки крови, странный голубой мох, который, как выяснилось, был природным антибиотиком. Эльвира стала мне не только покровительницей, но и другом, мудрой наставницей. По вечерам мы разбирали записи Лоренса о «тонких материях» и «эфирном теле». Для меня это переставало быть мистикой и становилось новой, пугающей, но осязаемой парадигмой. Парадигмой, в которой моя «искра» была реальной силой.

В библиотеке пахло старостью, знанием и тишиной. Я провела пальцем по корешку очередного фолианта Лоренса – «О призрачных лихорадках и болезнях сумеречного свойства». Именно он лежал сегодня вечером на моем столе вместо сравнительных анатомических таблиц. Полгода. Всего полгода, а мой мир сузился и одновременно безмерно расширился. От стерильной операционной до этой пронизанной сумеречными знаниями комнаты. От МРТ и лабораторных анализов – к пальпации «эфирного поля» и отварам из лунного мха.

Снаружи послышался сдержанный, но настойчивый стук в тяжелую дубовую дверь главного входа. Не в наш флигель, а в дом. Стук был не похож на робкое постукивание местной крестьянки. Он звучал твердо, почти официально.

Я встретилась взглядом с Эльвирой, которая вязала у камина. Ее спицы замерли на долю секунды.

– Поздно для визитов, – тихо сказала она, откладывая работу. – И не похоже на экстренный вызов. Иначе бы кричали и ломились.

Мы вышли в прихожую. Эльвира открыла дверь. На пороге, в багровых отсветах заката, стояли двое мужчин. Один – пожилой, в потертом, но добротном плаще управляющего или зажиточного ремесленника. Лицо его было бледным и напряженным. Второй – молодой, плечистый, с солдатской выправкой, но без униформы. Он поддерживал первого под локоть, и даже в сумерках было видно, как тот старается не опираться на правую ногу.

– Леди Эльвира, – поклонился старший, голос сорвался от боли. – Простите за беспокойство в столь поздний час. Я Гаррет, управляющий лесопилкой у моста. Это мой сын, Вилл.

– Входите, входите, Гаррет, – Эльвира отступила, пропуская их. – Что случилось?

– Не со мной, леди, – мужчина махнул рукой, шагнул внутрь и чуть не упал. Сын едва удержал его. – С Виллом. Он… что-то с ногой. С неделю назад началось. Сперва думал, ушиб, растяжение. А теперь…

Он не договорил, только горестно посмотрел на сына. Молодой человек, Вилл, попытался встать прямо, сняв руку с отцовского плеча. Лицо его покрыла испарина, губы были плотно сжаты. Он был бледнее отца.

– Покажите, – сказала я, не как «племянница», а как тот, кто принимает решения в лечебной. Голос прозвучал тише, чем я ожидала, но твердо.

Мы помогли Виллу пройти в кабинет во флигеле. Эльвира зажгла все лампы. Свет выхватил из полумрака знакомые инструменты, полки с травами, мой рабочий стол.

– Садитесь, – указала я на жесткую кушетку, застеленную чистой простыней.

Вилл опустился, стиснув зубы, чтобы не вскрикнуть. Он был молод, лет двадцати, мышцы спины и плеч говорили о тяжелой физической работе. Но сейчас он выглядел сломленным.

– Где болит?

– Колено, – выдохнул он. – И выше. Будто… будто огнем горит изнутри. И кости… кости ноют так, словно их в песок перетирает.

Я надела передник и вымыла руки в тазу с розмариновым раствором. Эльвира молча приготовила бинты и миску с теплой водой.

– Покажи.

Он с трудом закатал штанину. Правое колено было сильно опухшим, кожа над ним – неестественно блестящей, натянутой, с синюшно-багровым оттенком. Но не было ни пореза, ни ссадины, ни синяка от свежего ушиба. Отек распространялся выше, почти до середины бедра.

Земной врач сразу бы заподозрил септический артрит, остеомиелит. Гнойную инфекцию, попавшую в сустав или кость. Возможно, после незамеченной травмы. Требовалась срочная операция, дренирование, мощные антибиотики. У меня не было ни того, ни другого, ни третьего.

– Ушибался? Царапина была? Гнойник где-то рядом? – начала я стандартный опрос, пальцы уже легли на кожу вокруг колена. Жар бил от нее волнами.

– Нет, леди Лира, – покачал головой Вилл. – Ничего такого. Просто проснулся с утра – болит. С каждым днем все хуже.

Я осторожно надавила сбоку от коленной чашечки. Мышцы парня напряглись как струны, по лицу пробежала судорога. Боль была не поверхностной. Она шла из глубины.

– Лихорадит?

– Да, – кивнул Гаррет, стоявший в дверях, беспомощно сжимая шляпу в руках. – По ночам особенно. Бредит иногда.

Я отступила на шаг, мысленно прокручивая то, что читала у Лоренса. «Огненная кость»… «Недрая хворь»… Описания смутные, больше похожие на сказки. Но в одном из манускриптов, написанном странным, угловатым почерком, упоминалось: «…боль не от плоти, но от тени, приставшей к кости. Обычные отвары бессильны, ибо корень зла — в ином слое. Требуется очищение не только тела, но и эфирного следа».

«Эфирный след». Призрачные лихорадки. Я посмотрела на Вилла, стараясь не видеть испуганного юношу, а рассмотреть пациента. И тогда я это заметила. Не глазами. Тем внутренним чутьем, которое обострилось за эти месяцы. Вокруг его воспаленной ноги воздух словно чуть дрожал, как над раскаленным камнем. И было в этом дрожании что-то… липкое, темное. Не жар инфекции, а нечто иное. Будто сама боль имела ауру.

– Леди Эльвира, – тихо сказала я, не отрывая взгляда от ноги. – Настойку серебряной ивы и голубого мха. Двойную дозу. И принесите, пожалуйста, ту зеленоватую глину, что мы находили у старого русла. И… свечу из чистого пчелиного воска.

Эльвира встретилась со мной взглядом, и в ее голубых глазах мелькнуло понимание, а затем решимость. Она кивнула и бесшумно вышла.

– Что вы собираетесь делать? – с надеждой и страхом спросил Гаррет.

– Сначала нужно снять жар и боль, – ответила я, возвращаясь к земной медицине. – Потом… посмотрим.

Пока леди Эльвира готовила настойку, я принялась за то, что умела делать лучше всего. Я взяла острый, тонкий ланцет Лоренса, подержала его над пламенем спиртовки. Даже если корень зла – в «ином слое», гной в суставе мог убить его быстрее любой «тени».

– Это будет больно, – предупредила я Вилла. – Но необходимо. Гаррет, держи его.

Молодой солдат крепко взял отца за руку. Я нашла точку сбоку от коленной чашечки, где кожа была наиболее напряжена и горяча. Глубоко вдохнула, отключив все, кроме профессиональной хватки. Ланцет вошел мягко, почти без сопротивления.

Из разреза хлынул не просто гной. Жидкость была густой, мутно-желтой, с зеленоватым оттенком и отвратительным, сладковато-гнилостным запахом. Я не дрогнула. Аккуратно нада-

вила вокруг, помогая оттоку. Вилл вскрикнул, сжав зубы, его тело затряслось. Гаррет побледнел, но не отпустил его руку.

– Держись, – прошептал он. – Держись, сынок.

Когда основной поток иссяк, я промыла полость теплым отваром ромашки и календулы. Потом наложила повязку, пропитанную уже готовой настойкой ивы и мха – наш местный антисептик-анальгетик. Вилл откинулся на подушки, облегченно выдохнув. Мгновенного чуда не произошло, но адская распирающая боль от давления гноя ушла.

– Спасибо, леди, – прошептал он, и в его глазах стояли слезы не только от боли, но и от благодарности.

Но я знала, что это только начало. Такая инфекция не возникает на пустом месте. И то «липкое» ощущение вокруг ноги не исчезло. Оно лишь слегка отступило, затаилось.

Эльвира вернулась с глиной, завернутой во влажную ткань, и толстой восковой свечой.

– Гаррет, – сказала я, вытирая руки. – Нам нужно поговорить. Откуда Вилл мог принести такую хворь? Бывал ли он в последнее время в особых местах? У старого болота, у подножия Седых холмов, где руины? Мог поранить ногу чем-то… необычным?

Управляющий замер, его глаза расширились.

– Как вы… – он оборвал себя, перевел взгляд на сына, потом обратно на меня. – Три недели назад. Мы заготавливали лес на старом вырубе, у Черной заводи. Там… там место недоброе, но дерево хорошее. Вилл споткнулся о какой-то корень, рассек голень о торчащий из земли камень. Ранка была небольшая, он и внимания не придал, замотал тряпицей. Она быстро затянулась. А через неделю началось это…

Черная заводь. Я слышала это название в разговорах. Старое, заболоченное озерцо, куда редко ходили даже грибники. Место, окутанное дурными слухами.

Я кивнула, как будто это было именно то, что я ожидала услышать.

– Леди Эльвира, помогите мне приготовить аппликацию.

Мы растолкли в ступке сушеный зверобой и корень дягиля, смешали с зеленой глиной и несколькими каплями эфирного масла можжевельника – всего, что, согласно записям Лоренса, имело «очищающие и укрепляющие свойства для эфирного тела». Получилась плотная, холодная паста с резким, горьковатым запахом.

– Это поможет вытянуть остаток скверны, – сказала я, нанося толстый слой пасты на воспаленную кожу выше и ниже колена, избегая самого разреза. Мои пальцы работали автоматически, но все мое внимание было сосредоточено на том внутреннем чувстве, на той самой «искре». Я представляла, как эта паста – не просто глина и травы, а проводник моего намерения. Как она должна впитывать не только телесный жар, но и ту темную, липкую дрожь, что вилась вокруг ноги.

Повязку закрепили чистым бинтом. Потом я зажгла восковую свечу и поставила ее в железный подсвечник у изголовья кушетки.

– Огонь очищает, – тихо процитировала я не то Лоренса, не то свои собственные, рождающиеся интуитивные догадки. – Особенно огонь чистого воска. Он сжигает не только микробы в воздухе, но и… дурные следы.

Я не была уверена, что делаю. Это был сплав отчаяния, знаний хирурга, наспех усвоенного местного фольклора и глухого зова той самой силы внутри. Но я должна была попробовать. Для Вилла. И для себя – чтобы понять границы того, чем я стала.

– Теперь нужно время, – сказала я, отступая и гася пламя ланцета. – Останьтесь здесь на ночь. Я буду рядом.

Гаррет беззвучно кивнул, опускаясь на стул у стены. Его взгляд, полный страха и надежды, был мне знаком. Таким же смотрела на меня мать Алины.

Я села на табурет в углу, стирая с пальцев остатки глины. За окном окончательно стемнело. В комнате было тихо, лишь слышалось прерывистое дыхание Вилла и тихое потрескива-

ние свечи. Я смотрела на колеблющееся пламя, на бледное лицо юноши, на повязку на его ноге. И ждала. Ждала, сработает ли этот примитивный, отчаянный ритуал. Ждала, не дрогнет ли снова та самая ниточка внутри – ниточка, связывающая меня с чем-то большим, чем анатомия и физиология. Со страшной, дарованной мне ценой потери всего, силой Пограничья.

Впервые я сознательно, как врач, применила не только скальпель и знание трав, но и это новое, пугающее чувство. Исход был неизвестен.

В комнате сгустилась тишина. Пламя свечи отбрасывало на стены трепещущие тени, превращая инструменты на столе в странные, остроконечные силуэты. Запах воска смешивался с горечью трав и сладковатой гнилостью, постепенно уступая место чистому, почти стерильному аромату горящей пчелиной работы.

Вилл дышал тяжело, но уже не так прерывисто. Его отец, Гаррет, сидел неподвижно, как каменная глыба, лишь глаза бегали от сына к мне, к леди Эльвире, к свече.

Леди Эльвира стояла у стола, методично протирая и укладывая инструменты. Но ее взгляд тоже был прикован к повязке на ноге молодого человека. В ее голубых глазах читалась не тревога, а сосредоточенное внимание ученого, наблюдающего эксперимент.

Я сидела на табурете, чувствуя тяжесть в каждой мышце. Не физическую усталость – руки привыкли к долгой работе. Усталость была от концентрации, от того постоянного внутреннего напряжения, с которым я следила за «липкой» аурой вокруг ноги Вилла. Она не исчезла полностью после дренирования. Она сгустилась, стала темнее, будто ядро инфекции уплотнилось, защищаясь.

Минуты тянулись в часы. Я проверяла пульс Вилла, температуру кожи над и под повязкой. Жар спадал медленно, неравномерно. Под глиняной аппликацией кожа казалась менее напряженной, но «тень», ощущаемая моим внутренним чутьем, пульсировала, как второй, нездоровый сердечный ритм.

«Очищение не только тела, но и эфирного следа», – цитировал я себе записи Лоренса. Что такое «эфирный след»? Остаток контакта с… чем? С тем местом, Черной заводью? С тем «корнем», о котором он споткнулся? В моем мире мы говорили о бактериях, вирусах, токсинах. Здесь… здесь я должна была думать о «загрязнениях» иного порядка.

– Лира, – тихо произнесла Эльвира, подходя ближе. Она держала в руках старый, потрепанный манускрипт. – В записях Лоренса о «призрачных лихорадках» есть упоминание о «связующем агента». Не только о месте, но о предмете, который переносит «скверну». Ты спрашивала о ранке. Но что именно порезало его? Камень? Корень? Или… что на камне или корне?

Я посмотрела на Вилла. Он полулежал, глаза закрыты, но дыхание стало более ровным.

– Вилл, – мягко сказала я. – Ты помнишь тот камень? На что он был похож?

Молодой человек медленно открыл глаза. Они были стеклянными от боли и усталости, но в них вспыхнула искра воспоминания.

– Он… он был черным. Не как обычный камень. Гладким, почти как стекло. Но с прожилками… красными, будто кровь. Я споткнулся, ударился голенью, и он… он как будто был теплым. Не горячим, но… теплым. Я даже подумал, что это от солнца, но день был холодным.

Красные прожилки. Теплый черный камень. Мои знания геологии были ограничены, но это звучало неправильно. Не естественно.

– Гаррет, – я повернулась к отцу. – Этот камень… он остался там? Или вы его принесли?

Управляющий побледнел еще больше.

– Мы… мы его выкопали. Вилл сказал, что он странный. Я думал… думал, может быть, это какой-то редкий минерал, можно продать. Он сейчас в моем доме, в углу сарая. Я… я даже прикоснулся к нему, когда выносил.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не только Вилл был заражен. Источник «скверны» был здесь, в Заречье.

– Леди Эльвира, – сказала я, голос стал жестким, профессиональным. – Нам нужна изолированная емкость. Железная или каменная. Ничего деревянного или тканевого. И еще свечей. Больше свечей.

Эльвира поняла мгновенно. Она кивнула и вышла, ее шаги были быстрыми и решительными.

– Вилл, – я обратилась к молодому человеку. – Ты чувствуешь изменения? Боль, жар?

– Боль… меньше. Но есть… есть ощущение тяжести. Не в ноге. В… во всем теле. Будто камень на груди.

Камень на груди. Это была не инфекция. Это было отравление. Но не химическое. Эфирное.

Леди Эльвира вернулась с небольшим железным ящиком и несколькими новыми свечами из чистого воска. Она расставила их вокруг кушетки Вилла, создавая полукруг света. Ящик она поместила на стол рядом с моими инструментами.

– Гаррет, – сказала я. – Ты должен принести этот камень. Но не касаться его. Используй толстые кожаные перчатки, если они есть. Положи его в этот ящик и принеси сюда. Немедленно.

Старый управляющий выглядел напуганным, но он встал, его солдатская выправка вернулась на мгновение.

– Я… я сделаю это.

После его ухода комната снова погрузилась в тишину. Я подошла к Виллу и осторожно удалила глиняную аппликацию. Поверхность кожи была менее воспаленной, но красные, узловатые линии стали видимыми – они распространялись от колена вверх по бедру, как корни ядовитого растения. И «тень» теперь была четкой, почти видимой для моего внутреннего зрения. Она пульсировала в ритм с красными прожилками на коже.

– Это не обычная инфекция, – тихо сказала я пожилой женщине. – Это… это что-то вросло в него. И оно связано с тем камнем.

Леди Эльвира изучала манускрипт, ее лицо было серьезным.

– Лоренс писал о «предметах скверны». Они могут быть природными – камни, растения из определенных мест. Или искусственными – реликвии, созданные с темными целями. Он считал, что они действуют как… как якоря. Привязывают болезнь не только к телу, но к эфирному следу человека, делая лечение обычными методами почти невозможным.

Якорь. Это слово срезонировало в моем уме. Болезнь была «якорена» в Вилле через этот камень. И пока камень был рядом, даже в сарае, она продолжала питаться его энергией… или чем-то еще.

Мы ждали. Свечи горели, их пламя было устойчивым, чистым. Вилл дрейфовал в полузабытье, его дыхание становилось глубже, но красные линии на его ноге кажется потемнели.

Гаррет вернулся менее чем через полчаса. Он держал железный ящик, его руки были в толстых рабочих перчатках. Его лицо было бледным, глаза широко открыты от страха.

– Вот он, – сказал он, помещая ящик на стол. Он открыл крышку.

Внутри лежал камень. Он был как описывал его Вилл – черный, гладкий, почти стеклянный. Но красные прожилки были не просто цветом. Они пульсировали, как будто с собственным слабым светом. Камень не был теплым теперь. Он был холодным, ледяным, но эта холодность была какой-то неправильной, искусственной.

Я почувствовала, как моя «искра» отреагировала. Она не вспыхнула, как раньше. Она сжалась, стала осторожной, наблюдающей. Это был не пациент, нуждающийся в помощи. Это был враг.

– Все свечи, – сказала я, голос былтвердым. – Вокруг ящика. И вокруг Вилла. Окружите их светом.

Леди Эльвира и Гаррет быстро переместили свечи, создавая два круга чистого огня – один вокруг ящика с камнем, другой вокруг кушетки пациента.

Я взяла ланцет еще. Но не для разреза. Я нагрела его в пламени свечи до белизны. Затем, используя не хирургическую точность, а скорее интуитивное движение, я начала аккуратно касаться красных линий на ноге Вилла нагретым металлом.

Это не было прижиганием в медицинском смысле. Это были скорее символические касания. Каждое прикосновение ланцета к линии сопровождалось мягким шипением, и я сосредоточила всю свою внутреннюю «искру» на одном намерении: «Отделить. Разорвать связь. Очистить след».

Я не знала, что делала. Я не была шаманкой или жрицей. Я была врачом, использующим каждый доступный инструмент – физический, травяной , и теперь… эфирный.

Красные линии начали исчезать с каждым прикосновением. Не сразу, но они становились менее яркими, менее выраженными. И «тень» вокруг ноги начала ослабевать, рассеиваться, как будто разрывалась на части.

Но камень в ящике пульсировал все сильнее. Его красные прожилки засияли ярче, будто сопротивлялось.

– Он… он реагирует, – сказал Гаррет, его голос был полон ужаса.

Я чувствовала это. Камень был живой и он боролся против моего вмешательства.

Я остановилась, тяжело дыша. Моя рука дрожала. Это было не просто физическое усилие. Это было ментальное, духовное противостояние.

–Леди Эльвира, – я сказала, обращаясь к ней. – В записях… есть ли что-то о уничтожении таких предметов?

Эльвира быстро просматривала манускрипт, ее пальцы бегали по страницам.

– «Очищение огнем чистого источника… но огонь должен быть не только физическим, но и внутренним, направленным волей…» – она читала вслух. – Это… это говорит о необходимости не только сжечь предмет, но и «разорвать его связь с эфирным миром».

Воля. Стремление. Моя «искра». Это была та основа, которую я использовала для поддержки Томми, для создания глиняной аппликации. Но сейчас это было не поддержка. Это была атака.

Я посмотрела на камень. Затем на Вилла. Его состояние улучшилось. Красные линии почти исчезли, его дыхание было более устойчивым, цвет лица возвращался. Но камень был все еще там, источник скверны все еще пульсировал.

Я взяла одну из свечей. Не просто свечу. Я взяла свечу, которая горела рядом с Виллом, свечу, которая была частью круга света, окружающего его. Это пламя было «чистым». Оно было связано с кругом защиты, исцеляющим кругом.

Я подошла к ящику. Гаррет и леди Эльвира ждали, затаив дыхание.

Я опустила свечу, не касаясь камня. Я позволила пламени лизнуть поверхность железного ящика, нагревая его. Затем, сосредоточившись, я направила свою «искру» – не как неконтролируемый выброс, но как сформировавшийся луч силы – через пламя, внутрь ящика, на камень.

Я представляла не огонь, сжигающий камень. Я представляла свет, чистый, очищающий свет, разрывающий красные прожилки, разрывающий связь камня с Виллом, с этим местом, с его темной энергией.

В комнате не было слышно ни звука, кроме треска свечей. Но я чувствовала сопротивление, могильный холод, исходящий от камня, его темное сопротивление. Затем –трещина, не физическая, а эфирная. Красные прожилки на камне сперва мерцали, затем поблекли, а затем и вовсе исчезли полностью. Камень стал просто черным, холодным камнем. Его «пульс» остановился.

Я почувствовала внезапное истощение, как будто я провела часы в операционной. Моя рука дрожала, я почти уронила свечу. Леди Эльвира быстро взяла ее от меня.

Вилл на кушетке вздохнул глубоко. Его глаза открылись, они были ясными, без стеклянной поволоки боли и лихорадочного блеска.

– Отец… – он сказал, голос был слабым. – Я… я чувствую себя лучше. Тяжесть ушла.

Гаррет бросился к сыну, его лицо было полно облегчения и благодарности.

Я стояла, и смотрела на черный камень в ящике. Он был сейчас просто камнем. Но урок был усвоен. Болезни в этом мире могли иметь корни не только в бактериях или травмах. Они могли иметь «якоря» в предметах, в местах, в «эфирных следах».

И для их лечения требовалось не только хирургические навыки и знания. Требовалось понимание этой новой, пугающей и неизведанной парадигмы. И использование моей «искры» не только как силы исцеляющей, но как силы очищения, разрыва связей.

Я была врачом. Но в этом мире я должна была стать нечто большим. И этот случай с Виллом был первым шагом на этом пути. Путь был долгим, и он только начался. Но теперь я знала направление. И я была готова учиться, готовиться к следующему вызову, к следующему сражению, которое принесет не просто болезнь, но «скверну» из глубин Пограничья. Вот только я не знала, что у меня будет очень мало времени.

Глава 3.

Два дня я пролежала в своей комнате во флигеле, будто после тяжелейшей лихорадки. Тело слушалось с трудом, а в голове стоял густой, вязкий туман. Это было не физическое истощение — после сложных операций я восстанавливалась куда быстрее. Это было опустошение самой сердцевины, той странной внутренней «искры», которую я едва успела узнать. Леди Эльвира приносила мне бульон, а Гаррет прислал из дома гусятины — мол, для сил. Вилл, со слов леди Эльвиры поправлялся на удивление быстро, едва ли не на глазах, теперь, когда таинственный якорь-камень был обезврежен. Об этом ее прилежно информировал Гаррет.

На третий день туман начал рассеиваться, сменившись непривычной, обостренной чуткостью. Я слышала, как мышь скребется в подвале, чувствовала запах дождя за час до того, как первая капля упала на землю. Мир стал громче и четче, будто я сняла с чувств толстые варежки. Пора было возвращаться к делам.

Я отправилась проведать Вилла. Дорога до фермы Гаррета была недолгой, но каждое движение давалось с непривычным усилием, будто тело забыло, как ходить. Юноша встретил меня на пороге, опираясь на палку, но с ясным взглядом и здоровым румянцем. Его нога была еще перебинтована, но он уже пробовал наступать на нее.

– Доктор Лира, – лицо его озарилось улыбкой. – Я уже почти как новенький. Отец говорит, вы волшебство какое-то совершили.

Я заставила себя улыбнуться в ответ, проверяя пульс, осматривая рану. Заживало все идеально. Обычная медицина и крепкий молодой организм сделали свое дело. Жутковатый черный камень, все еще хранившийся в железном ящике в моей кладовой, казался теперь просто дурным сном.

– Никакого волшебства, – сказала я, промывая шрам успокаивающим лосьоном. – Просто хороший уход и твоя собственная сила. Продолжай разрабатывать ногу, но без фанатизма.

Возвращаясь обратно в Заречье долгой, кружной дорогой, через лес. Мне нужно было движение, простор, чтобы прийти в себя. Воздух был прохладным и густым после утреннего дождя, солнце пробивалось сквозь облака редкими, косыми лучами. Я шла медленно, вдыхая запах влажной хвои и прелых листьев, пытаясь заглушить навязчивую мысль: а что, если в следующий раз «якорь» окажется сильнее? Что, если моей «искры» не хватит?

Мысли были столь тягостны, что я почти не обратила внимания на первый странный звук — глухой удар, словно тупым топором по мясу. Потом послышались голоса. Грубые, отрывистые команды. Не крики пьяной драки, а холодные, деловые интонации. Я замерла, инстинктивно прижавшись к шершавому стволу старой сосны.

Через просвет в кустах я увидела поляну. Трое. Одетые в поношенную, но крепкую кожу и железо, с лицами, на которых не было ни злобы, ни азарта, лишь холодная сосредоточенность. Они методично, как мясники, окружали одного. Он был высок, в темном дорожном плаще, уже изодранном, и отбивался длинным, прямым клинком. Но его движения были медленными, неуверенными. Я различила темное пятно на его плече и еще одно — на боку. Он терял кровь.

– Хватит играть, – проговорил один из нападающих, мужчина с бородой и железным наручем на левой руке. – Силы его на исходе. Бери живым. Приказ был – живым.

Его товарищ, помоложе, с кривым ножом, кивнул и сделал быстрый выпад. Человек в плаще едва парировал, но это открыло его бок. Третий, самый крупный, с размаху ударил дубиной по спине. Раздался приглушенный стон, и незнакомец рухнул на одно колено.

Во мне все сжалось. Врач видел пациента. *Травма спины, возможное повреждение почки. Колотая рана в бок, риск пневмоторакса. Кровопотеря.* Руки сами потянулись к воображаемой сумке с инструментами. Но другой, новый инстинкт — тот, что родился после камня, — кричал об опасности. Эти люди не были разбойниками. Они были охотниками. А их добыча…

Моя «искра», до сих пор тихая и уставшая, вдруг дрогнула. Она потянулась к тому, кто был на поляне, слабым, тревожным импульсом. И я почувствовала это. Не скверну, как в камне. Нечто иное, но родственное. Такой же след Пограничья, как у меня. Но не светлый и целящий, а… искаженный. Ощетинившийся, раненый, полный отчаяния и яростной, не сломленной силы. Это ощущение было настолько ярким и неожиданным, что у меня перехватило дыхание.

– Вставай, – приказал бородатый, подходя ближе. – Кончились твои фокусы.

У меня не было оружия. Не было сил для нового противостояния, как с камнем. Но был мозг. И знание леса.

Я отползла назад, в чащу, и бросилась бежать не прочь от опасности, а вдоль знакомой тропинки к ручью. Там, среди влажных камней, рос колючий ломонос. Его едкий сок вызывал жгучую сыпь. Я сорвала несколько стеблей, раздавила их булыжником и густо обмазала соком три крепких, удобных для броска камня. Оружие бедняков и отчаявшихся.

Когда я вернулась, человек в плаще лежал на земле, а охотник с дубиной занес ее для последнего, сокрушительного удара. Сердце колотилось где-то в горле.

Я бросила первый камень не в людей, а в сухую, толстую ветку над их головами. Треск разорвался в тишине леса, как выстрел. Все трое вздрогнули и резко обернулись, щурясь в сторону шума.

– Откуда?! – рявкнул молодой с ножом.

В этот миг второй камень, тяжелый и скользкий от сока, угодил ему прямо в грудь. Камень отскочил, но брызги едкой жидкости брызнули ему в лицо. Он вскрикнул, не от боли, а от неожиданного, обжигающего слепня, и в панике стал тереть глаза.

Наступила секунда хаоса. Я уже выскочила из укрытия, не глядя на остальных, и упала на колени рядом с раненым.

– Вставай! – выдохнула я, хватая его за руку. Его глаза, мутные от боли, встретились с моими. В них мелькнуло непонимание, а затем — острое, животное осознание. Он не спросил, кто я. Он позволил мне поднять его, тяжело оперся на мое плечо, и мы, спотыкаясь, рванули в глубь леса, под покров низких еловых лап и бурелома.

Мы бежали, вернее, я тащила его, а он пытался двигать ногами, минут десять, пока я не втянула его в узкую, скрытую папоротниками расселину меж двух валунов. Там мы рухнули на сырую землю. Он дышал, как разорванные мехи, хрипло и с бульканьем. Я уже нащупывала пульс на его шее — частый, нитевидный. Профессиональный взгляд скользнул по ранам: плечо, бок, вероятно, сломанные ребра сзади.

– Кто… ты? – выдавил он, и в этом хрипе была не благодарность, а скорее настороженность.

– Врач, – ответила я коротко, уже разрывая подол своей юбки на полосы для жгута. – А ты мой пациент. Пока что. Заткнись и экономь силы.

Но пока руки автоматически делали свою работу — перевязывали, останавливали кровь, — внутреннее чутье, та самая «искра», билось тревогой. Его след… он был поврежден не только физически. Что-то темное и липкое цеплялось за него, мешая его собственной силе, усугубляя раны. Это было похоже на инфекцию, но на уровне, для которого у меня не было ни названия, ни лекарства.

Охотники за нами. Человек со следом Пограничья. И я, затаившаяся в лесу, с трясущимися от усталости руками и полной пустотой в голове относительно того, что делать дальше. Урок с камнем оказался лишь вводным занятием. Теперь начиналась настоящая учёба. И цена ошибки была уже не одна нога фермерского сына, а две наших жизни.

Мы затаились в расселине, слушая, как лес замолчал. Только ветер шелестел листвой да слышались отдаленные, но уже неспешные шаги — охотники искали нас методично, без

паники, как травят раненого зверя. Я зажимала рану на боку мужчины своей последней чистой тряпицей, чувствуя, как ткань пропитывается теплым и липким.

— Долго не продержимся, — хрипло выдохнул он, пытаясь приподняться. Его лицо было землистым от боли и потери крови. — Они наткнутся. У них… чутье.

Он был прав. Моя искра, слабая, но встревоженная, тоже ощущала их присутствие — не как отпечаток Пограничья, а как холодное, целенаправленное давление. Как хищников, улавливающих запах страха и крови.

Я выглянула из укрытия. Мы были недалеко от старой лесной дороги, той самой, что вела к ручью и дальше — к окраине имения леди Эльвиры. Но тащить его по тропинке пешком, оставляя кровавый след, было самоубийством.

И тут я вспомнила. Старая покосившаяся лесопилка. Совсем рядом, в полузаброшенной просеке. Там всегда валялось что-то полезное — обломки досок, ржавые гвозди. И… старая одноколесная тележка, которую лесники использовали для перевозки громоздкого инвентаря. Я видела ее неделю назад, когда собирала кору для отваров. Она была развалюхой, но колесо казалось целым.

— Нужно добраться до лесопилки, — прошептала я. — Там есть телега. Есть шанс.

Он лишь кивнул, не тратя сил на вопросы.

Мы поползли, прижимаясь к земле, используя каждый куст, каждую неровность. Каждый его стон, каждый шорох заставлял мое сердце замирать. Расстояние в пятьсот метров показалось маршем через ад. Но мы добрались.

Тележка стояла там, где я ее и видела — прислоненная к полуразрушенному сараю. Колесо действительно держалось, хоть и скрипело намертво заржавевшей осью. Кузов был без одной стенки, но это даже облегчало погрузку.

— Помоги мне, — сказала я, цепляясь за его здоровую руку. Он собрал последние силы, уперся ногами в землю, и мы, кряхтя и спотыкаясь, ввалились в кузов. Он рухнул на дно, я — рядом, стараясь придержать его, чтобы не бился о деревянные бока.

Теперь главное — выбраться на дорогу. Я вцепилась в рукоятку тележки. Она была тяжелой, неповоротливой. Я толкнула изо всех сил. Тележка дрогнула и с скрипом тронулась с места. Каждое вращение колеса отдавалось огненной болью в моих плечах и спине. Я не была лесорубом. Я была врачом. Мои силы были на исходе.

Но страх и адреналин — мощные союзники. Я тащила эту проклятую тележку, уворачиваясь от корней, подталкивая ее на подъемах, едва удерживая на спусках. Мы двигались по старой дороге, которая петляла, но в конце концов выводила к задворкам имения. Каждый звук в лесу заставлял меня замирать. Каждый крик птицы казался сигналом погони.

И вот, наконец, знакомый штакетник, заросший диким хмелем. Задние ворота в сад леди Эльвиры. Они всегда были на засове, но старый, кривой гвоздь, который служил запором, я знала как свои пять пальцев. Я бросила тележку, подбежала, с силой дернула — щеколда со скрипом поддалась.

Теперь самый сложный участок — через сад к моему флигелю. Дорога шла под уклон, и я использовала это, больше управляя, чем толкая тележку. Она катилась, подпрыгивая на кочках, и каждый толчок вырывал у моего пассажира приглушенный стон. Я шептала ему какие-то бессвязные слова, больше для себя, чем для него: «Держись, почти приехали, молчи, молчи, молчи…»

Флигель с отдельным входом, моя маленькая крепость, появился впереди. Но радость была преждевременной. Узкая дверь. Слишком узкая для тележки.

Я остановилась, переводя дух. Пот градом катился по лицу. Ноги подкашивались.

— Придется тащить вручную, — простонала я, больше себе, чем ему.

Открыла дверь, вернулась к тележке. Он уже почти не двигался, сознание плавало где-то на грани. Я обхватила его под мышки, пытаясь стащить с деревянного кузова. Он был тяжелым, мертвенно-вялым.

— Помоги же! — выдохнула я отчаянно.

И он помог. Каким-то невероятным усилием воли он приподнялся, оперся на меня, и мы, шатаясь, сделали эти последние три шага до порога. Он переступил через него и рухнул на пол пристройки, потащив за собой и меня.

И в этот самый момент, когда я пыталась высвободить свою ногу, заплетшуюся в его плаще, его пятка, слабая и неуправляемая, задела ножку маленького столика. С грохотом, который в тишине флигеля прозвучал как пушечный выстрел, на пол свалилась ступка с пестиком.

Хлоп!

Я даже присела с перепугу, сердце бешено заколотилось, ожидая, что сейчас ворвутся те самые охотники. Но дальше никакого звукового сопровождения моего появления в пристройке не последовало. Только звонкий перекат пестика по каменному полу. Огляделась. Оказывается, это ступка с пестиком со стола свалилась, задетая его ногой. Обладателя этой самой ноги, как и ее пары, я как раз затаскивала в свою пристройку.

Жаль, дверь узкая и тележка, на которой я его сюда притащила, в нее не пройдет. Ее придется куда-то убрать, спрятать… Позже. Все позже.

Сейчас нужно было остановить кровь, которая снова сочилась сквозь мои импровизированные повязки. Я встала на колени рядом с ним, уже не обращая внимания на грязь, кровь и собственную дрожь в руках. Нужно было работать. Сейчас. Пока он еще дышал.

– Лира, ради всех духов и богов, объясни кто это и что он здесь делает? – раздался голос позади меня, и я скривилась, словно лимон проглотила. Медленно оборачиваюсь и вижу свою благодетельницу и хозяйку имения леди Эльвиру Седбок.

– Тетушка, – начала я стараясь встать так, чтобы загородить собой раненого, но он словно специально решил именно в этот момент застонать.

– Раньше ты ходила и изображала из себя лекаря по моим арендаторам и лечила их детей, а сейчас ты притащила в мой дом раненого, – старушка что когда-то спасла меня когда я угодила в этот мир, была не на шутку сердита. Я правда отплатила за свое спасение сразу же, вылечив ее и поставив на ноги, когда местные мужи-лекари советовали ей готовиться к смерти.

– Леди Эльвира послушайте пожалуйста, – я натянуто улыбнулась. – Я просто не могла бросить его там на дороге.

– Где ты его нашла и кто он вообще? – старушка заглянула ко мне за спину и в ужасе отшатнулась. – Боги всевидящие, он вообще живой еще.

– Пока да, но чем дольше я болтаю здесь, тем меньше у него шансов таковым остаться, – я уже не пыталась загородить собой мужчину, а отодвинув в сторону старушку начала раздевать раненого и затаскивать его на кушетку.

– Я сейчас пришлю Генри, он тебе поможет, – старушка энергично выскочила из флигеля и умчалась за садовником.

– Хорошо, – я села на стул, выбившись из сил и пытаясь перевести дух.

Леди Эльвира вернулась с поразительной для ее лет и обычно размеренной походки скоростью. Вслед за ней, запыхавшийся и с глазами, полными немого вопроса, втиснулся в дверной проем Генри. Садовник был широк в плечах, а руки его, привыкшие к лопате и секатору, казались способными удержать что угодно.

– Генри, помоги девушке! – скомандовала леди Эльвира, указывая на тело у моих ног. – На кушетку. Осторожнее!

Генри молча кивнул. Его движения были неловкими, но сильными и уверенными. Вместе мы подхватили бесчувственное тело – я под плечи, он под колени – и переложили его на

жесткую кушетку у стены. Мужчина снова издал стон, слабый и хриплый. При свете зажженной леди Эльвирой лампы его лицо казалось восковым, лишенным крови.

– Теперь, – старушка повернулась ко мне, скрестив руки на груди. Ее гнев, казалось, уступил место холодному, хирургическому любопытству. – Рассказывай. Где нашла? И кто он, по-твоему?

– На старой лесной дороге, у Древнего Рва, – начала я, отлепляя от раны на боку остатки пропитанной кровью рубахи. Ткань присохла, приходилось отмачивать ее водой из кувшина. – Он был не один. Остальные… не выжили. А кто он – понятия не имею. Но судя по одежде…

Мои слова замерли на губах, когда рубаха наконец поддалась. Генри тихо ахнул и отступил на шаг. Даже леди Эльвира, видавшая в своей жизни всякое, резко втянула воздух.

Тело мужчины было… исписано. Не метафорой страданий, а самой что ни на есть буквальной историей боли. Свежая, сочащаяся рана на боку была лишь самым новым штрихом на этом полотне. Рядом с ней серебрились старые, аккуратные шрамы от клинков – следы не одной битвы. Чуть ниже ребер темнел уродливый ожог, похожий на отпечаток раскаленного железа. На предплечьях виднелись глубокие борозды, словно его когда-то держали на цепях. А по всей спине и груди, будто седые нити, тянулись давно зажившие следы от ударов плетью.

Это была не просто травма. Это был архив насилия, биография, выжженная и вырезанная на плоти.

– Милосердные духи, – прошептала леди Эльвира, приближаясь. Ее тонкие пальцы, не дрогнув, осторожно провели над ожогом, не касаясь кожи. – Это… это не просто случайный путник, Лира. Такие отметины не получают в честном бою или от разбойников.

– Я… я видела, как на них напали, – тихо сказала я, чувствуя, как ком подкатывает к горлу. Зрелище было жутким, если честно. – Нападавшие… они были быстры, как тени. А потом… просто исчезли. Как будто их и не было.

– Исчезли? – леди Эльвира резко подняла на меня взгляд. Ее глаза, казалось, выжгли во мне дыру. – Опиши.

– Серые плащи, без опознавательных знаков. Двигались бесшумно. Обыскали мертвых и… растворились в воздухе, как только я попыталась их спугнуть. Я даже толком лиц не разглядела.

Леди Эльвира закусила губу. Ее взгляд снова скользнул по истерзанному телу на кушетке, и в ее глазах вспыхнуло нечто острое и знакомое – расчетливый, холодный страх.

– Генри, – сказала она, не отрывая глаз от раненого. – Принеси дров и растопи печь. Воды вскипяти, побольше. И ни слова никому. Ни единого слова. Понял?

Садовник, бледный как стена, кивнул и выскользнул наружу, стараясь не смотреть в сторону кушетки.

– А ты, – леди Эльвира повернулась ко мне, и в ее голосе не осталось ни гнева, ни упрека. Был лишь стальной, не терпящий возражений приказ. – Мои снадобья ты знаешь. Черный сундук, полка вторая, склянки с зелеными восковыми пробками. Очищающий отвар и мазь для ран, чтоб не гноились. А также… принеси из моей лаборатории маленькую шкатулку, обитую свинцом. Ту, что в потайном отделении стола.

– Свинцовую шкатулку? Тетушка, но там же…

– Там то, что может понадобиться, если его раны не только физические, – она оборвала меня. Ее лицо было непроницаемо. – Те, кто оставил на нем эти следы, и те, кто пришел сегодня добить… они редко действуют в одиночку. И их методы бывают… неестественными.

Она наклонилась над раненым, и ее шепот был таким тихим, что я едва расслышала:

– Что же ты за птица такая, что на тебя объявили такую охоту? И что за шторм ты принес в мой тихий дом?

А мужчина, как будто в ответ, снова застонал. Его пальцы, обезображенные старыми переломами, судорожно сжались. Казалось, даже в беспамятстве он пытался за что-то ухва-

титься. За жизнь, которая, судя по всему, уже давно была для него не подарком, а испытанием. И я поняла, что привезла с собой не просто раненого.

Генри вернулся, его дыхание было тяжелым от спешки и тревоги. Леди Эльвира взяла ситуацию в свои руки с безжалостной эффективностью, но именно мне предстояло делать самое сложное.

– Лира, приготовь очищающий отвар, как я учила. Двойную концентрацию. Генри, помоги мне развести его.

Я кипятила воду, мои руки действовали быстро и точно, несмотря на дрожь внутри. Тысячелистник, шалфей, горькая полынь – я знала каждую траву не по названиям, а по ощущениям на пальцах, по запаху, по тому, как они изменяли цвет воды. Это было мое знание, добытое в долгих часах в лаборатории леди Эльвиры и в походах к арендаторам. Я создавала отвар, который пахнул не просто лесной чистотой, а моей решимостью очистить эту рану от всего, что могло погубить мужчину.

Леди Эльвира промывала раны, но я наблюдала каждое ее движение, каждую реакцию кожи. Когда отвар соприкоснулся с ожогом, и на поверхности вспыхнули серебристые линии, именно моя рука протянулась к мази с металлическим запахом. Я вытерла этот узор, чувствуя под пальцами не просто кожу, а зашифрованное сообщение, историю, которую я еще не могла прочитать, но уже была обязана скрыть.

– Это не просто ожог, – сказала леди Эльвира тихо, но ее слова были ориентиром для моих действий. Марка. Клеймо. Я поняла это без объяснений, потому что уже видела подобное в книгах из ее запретной библиотеки. Я знала, что свинцовая шкатулка была не просто хранилищем – она была барьером между нашим миром и тем, что могло проникнуть через эти раны.

Мои руки продолжали работать, накладывая мазь, перевязывая свежие повреждения, но внутри меня бушевал конфликт. Я думала о мужчине. Не о том, как я «нашла» его, а о том, как я вырвала его из рук охотников, как мое собственное тело стало барьером между их клинками и его жизнью. Признаться в этом означало раскрыть не только свою смелость, но и свою глупость – я подвергла опасности не только себя, но и весь дом. Но молчание было ложью, которая отягощала каждое моё движение.

– Так будет лучше для всех, – повторяла я себе, но знала, что это была полуправда. Было лучше для моего спокойствия, для возможности продолжать действовать без объяснений. Но было ли это лучше для него? Для леди Эльвиры, которая теперь стояла рядом со шкатулкой, не открывая ее, но понимая её значение?

Когда мы закончили, я осталась главным хранителем этой тайны. Леди Эльвира дала указания, но именно я должна была присматривать за ним, именно я должна была следить за каждым изменением в его состоянии, каждым вздохом, который мог стать последним или первым словом.

– Тетушка… о разбойниках…

– Я знаю достаточно.

Но она не знала всего. И именно я выбирала, сколько знать ей. Я выбирала, насколько глубоко вовлекать этот дом в историю, написанную на коже этого мужчины. Когда леди Эльвира ушла и велела осмотреть остальные его раны, я осталась не просто с пациентом и шкатулкой – я осталась с ответственностью, которая была полностью моей.

Я протянула руку и положила ее на шкатулку. Холодный свинец был как моё собственное молчание – непроницаемый, тяжелый, необходимый. Я была границей между этим мужчиной и опасностью, между правдой и безопасностью дома.

– Так будет лучше для всех, – я сказала вновь.

Я осталась одна с тишиной, нарушаемой лишь потрескиванием углей в очаге и тяжелым, хриплым дыханием раненого. Свинцовая шкатулка стояла на столе, немой укор и одновременно обещание помощи. Но сначала нужно было закончить осмотр.

Леди Эльвира, уходя, велела проверить все. Я поднесла лампу ближе. Свет дрожал в моей руке, выхватывая из полумрака детали этой живой карты страданий. Я уже видела главное – свежую рваную рану на боку, страшный ожог, старые шрамы. Но тело хранило и другие истории.

На правом бедре, чуть выше колена, темнел огромный синяк, уже переходящий в лилово-желтые оттенки по краям. Я осторожно прикоснулась пальцами – под кожей чувствовалась неестественная твердость, обширная гематома. Удар тупым тяжелым предметом. Дубинкой? Может быть, даже кулаком в латной рукавице. Я представила себе эту силу, достаточную, чтобы сломать кость, и сжалась внутри. Кость, к счастью, казалась целой, но мышцы были размозжены. Это объясняло, почему он не мог стоять, когда я его нашла. Вернее, когда я его отбивала.

Мысль об этом снова пронзила меня остро, как игла. Я отогнала ее, заставляя руки работать: приготовила прохладный компресс из отвара арники, чтобы уменьшить отек, и аккуратно, стараясь не причинять лишней боли даже в бессознательном состоянии, прибинтовала его к ноге.

Дальше — на левом плече, почти у ключицы, зияла неглубокая, но длинная резаная рана. Не от клинка, а от чего-то острого и легкого, может, от когтя или специального лезвия. Она уже начала воспаляться, края покраснели. Я промыла ее остатками очищающего отвара, чувствуя едкий запах полыни, и наложила тонкий слой мази, пахнущей медом и миррой.

Я работала методично, переводя взгляд с одной отметины на другую, словно читая мрачную летопись. Следы от веревок на запястьях. Содранная кожа на коленях — падал, его заставляли падать. Небольшой порез на щеке, уже подсохший. Каждая деталь складывалась в картину не просто нападения, а долгого, жестокого преследования. Его не просто хотели убить. Его пытались взять. Или уже взяли, а он бежал.

Я села на стул возле кушетки, вытирая лоб тыльной стороной ладони. Усталость наваливалась тяжелой волной, смешиваясь с тревогой. Выживет ли он? Лихорадка еще не началась, что было хорошим знаком. Раны были страшными, но ни одна, кроме, возможно, удара в бок, не казалась сразу смертельной. Все зависело от воспаления, от сил его тела, от той «гнили духа», о которой говорила леди Эльвира. И от того, не вернутся ли те, кто его искал.

Дверь скрипнула. Я вздрогнула, но это была леди Эльвира. Она несла охапку мелких полешек и корзинку с хлебом и сыром.

— Генри ушел. Я велела ему молчать так, что он, кажется, побледнел еще больше, — сказала она без предисловий, подходя к печи. Она ловко, несмотря на возраст, подкинула поленья в огонь, и комната постепенно начала наполняться живым, сухим теплом. — Поешь. Ты вся на нервах.

Она положила мне в руки ломоть хлеба с сыром. Я машинально откусила, почти не чувствуя вкуса.

— Ну? — Леди Эльвира села напротив, ее пронзительный взгляд изучал не только мужчину на кушетке, но и меня. — Что еще нашла? Выживет?

Я проглотила кусок, собравшись с мыслями.

— Удар по ноге дубинкой. Сильная гематома, ходить он не мог. Резаная рана на плече, начала воспаляться, но я обработала. Множество мелких повреждений… — Я замолчала, глядя на его бледное, искаженное болью даже в забытьи лицо. — Выживет ли он… Не знаю, тетушка. Тело его… оно крепкое. Видно, что он многое перенес и до этого. Но сил на борьбу с заражением может не хватить. Или…

— Или проснется то, от чего мы не сможем его вылечить травами и мазями, — закончила она за меня, кивнув в сторону свинцовой шкатулки. Она помолчала, глядя на пламя. — Генри сказал, что на западном краю леса, возле Рва, видел сегодня дым. Будто что-то горело. Не костер путника, а нечто большее.

Мое сердце упало. То самое место.

— Они могли сжечь тела, — прошептала я. — Или заметать следы.

— Или искать что-то, что он унес с собой, — холодно констатировала леди Эльвира. Она поднялась и подошла к кушетке, положила руку ему на лоб. — Жара пока нет. Это хорошо. Ты останешься здесь на ночь. Будешь поить его отваром каждые два часа, по капле, как я показывала. И следи. Не только за ранами. Следи за… тенями. Если раны начнут менять цвет не на тот, если в комнате станет холодно без причины, если он заговорит на языке, которого не должен знать… Позови меня сразу. И открой шкатулку.

Ее слова повисли в нагретом воздухе комнаты, наполняя его новым, невидимым напряжением. Я кивнула, сжимая в руках теплый хлеб.

— А что в шкатулке, тетушка? — рискнула я спросить.

Она посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом.

— Предел. Последнее средство. Или для него, или от него, — она отвела глаза. — Надеюсь, оно не понадобится. Но надежда — плохая советчица в таких делах. Действуй по необходимости и по совести, девочка. Ты втянула нас в это. Теперь веди.

Она ушла, оставив меня наедине с тишиной, с треском огня, с тяжелым дыханием незнакомца и с холодной тяжестью свинца на столе. Я доела хлеб, заставила себя выпить воды и подвинула стул ближе к кушетке. Моя рука снова потянулась к его запястью, чтобы проверить пульс. Ритм был слабым, но упорным. Он цеплялся за жизнь с той же силой, с какой я цеплялась сейчас за свою ложь и за надежду, что она — во благо.

«Выживешь, — беззвучно прошептала я ему. — Ты должен. Потому что я уже сделала свой выбор. И теперь нам обоим придется за него отвечать».

Глава 4.

Ночь стала долгим испытанием. Я сидела возле кушетки, как часовой. Каждые два часа, следуя указаниям леди Эльвиры, я подносила к его губам чашку с отваром – густой, горькой жидкостью, которая должна была поддержать его силы и очистить кровь от возможной порчи или отравы. Он был слишком слаб, чтобы глотать самостоятельно. Я осторожно приподнимала его голову, вливая по несколько капель за раз, чувствуя, как жидкость медленно проходит. Он не сопротивлялся, лишь иногда вздрагивал или издавал слабый, хриплый звук.

Я следила за его дыханием. За пульсом. За цветом кожи. Но больше всего – за тем, что леди Эльвира назвала «тенями». Я всматривалась в полумрак у стены, в пространство вокруг кушетки, ожидая увидеть движение, которое не было движением воздуха от печи. Ничего. Только тишина и тяжелое, равномерное дыхание. И холод свинцовой шкатулки на столе, который казался все более физическим присутствием.

Утро пришло медленно, окрашивая окна серым светом. Леди Эльвира зашла рано, молча осмотрела пациента, проверила раны.

– Судя по всему, организм не отторгает помощь, – произнесла она, словно ученый, констатирующий факт. – Но главное испытание еще впереди. Лихорадка может начаться сегодня или завтра. Тогда мы узнаем истинную цену его выживания.

Второй день был днем ожидания и мелких процедур. Я промывала раны свежим отваром, меняла компрессы на ноге, следила, чтобы воспаление на плече не распространялось. Его лицо оставалось бледным и замкнутым, но пульс стал чуть сильнее, чуть увереннее. Я начала разговаривать с ним в моменты, когда была уверена, что никто не услышит. Не для того, чтобы он ответил – он был глубоко в забытьи. Но чтобы наполнить комнату чем-то кроме тревоги.

«Выживаешь, – говорила я, протирая его лицо влажной тканью. – Видно, что ты привык к боли. Но это другая боль. Она лечебная. Потерпи».

Вечером второго дня он впервые пошевелился сам. Не просто вздрагивая от прикосновения или боли, а повернул голову набок, словно пытаясь что-то услышать. Его глаза оставались закрытыми, но мышцы лица напряглись. Я замерла, наблюдая. Он сделал несколько коротких, судорожных вздохов, потом снова погрузился в неподвижность. Но это был знак. Знак того, что сознание, скрытое глубоко внутри, боролось за возвращение.

Леди Эльвира, пришедшая с очередной порцией еды для меня, заметила это сразу.

– Сознание пытается всплыть, – сказала она, не выражая ни радости, ни тревоги. – Это может быть хорошим признаком. Или очень плохим. Если он проснется с криком… будь готовой.

Я «была готовой». Я держала свинцовую шкатулку в поле зрения, но не открывала ее. Она была последней границей, и я надеялась, что нам не придется ее пересекать.

Третья ночь стала самой тяжелой. Лихорадка, о которой говорила леди Эльвира, наступила. Его тело сначала стало горячим, потом начало дрожать в ознобе. Пульс скакал, дыхание превратилось в неравномерные, хриплые вздохи. Я действовала по инструкциям: холодные компрессы на голову и грудь, усиленная доза очищающего отвара, в котором теперь было больше шалфея и меньше полыни – чтобы не перегрузить сердце. Я боролась с жаром физическими методами, но часть меня наблюдала за «тенями». Комната оставалась теплой от печи, но иногда я чувствовала холодный поток воздуха у его ног, который не могла объяснить. И однажды, в самый пик лихорадки, он прошептал что-то. Не крик. Не слово на языке, которого я не знала. Это было бормотание, почти детский лепет, но в нем я различила два слова: «цепь» и «ключ».

Я застыла, слушая. «Цепь» и «ключ». Что это означало? Его собственные цепи, следы которых были на запястьях? Ключ от них? Или что-то большее?

Леди Эльвира, появившаяся как по волшебству в этот момент (я позвала ее сразу после странного холодка), выслушала мой отчет.

– Цепь и ключ, – повторила она, глядя на его горячее, потное лицо. – Это может быть метафизический шифр. Не открывай шкатулку пока. Лихорадка – это естественный процесс. Если тело справляется с ней самостоятельно, значит, оно справляется и с остальным.

Она была права. После долгой, мучительной ночи, на рассвете четвертого дня, лихорадка начала спадать. Его дыхание стало глубже и более регулярным, пульс успокоился. Кожа, хотя и оставалась бледной, потеряла тот смертельный, восковый оттенок. Я сидела, наблюдая за этим изменением, чувствуя странное смешение истощения и надежды. Он выдержал первый внутренний шторм.

Следующие дни превратились в рутину ожидания и мелких побед. Я продолжала промывать раны, и они начали медленно, но заметно заживать. Края стали чище, воспаление на плече ушло. Удар на ноге рассасывался, хотя он все еще не мог двигать этой конечностью без боли. Я начала вводить в его питание, когда он стал способен принимать более густые жидкости, отвары с питательными травами и даже немного меда для энергии.

Но самое важное изменение произошло на пятый день. Он открыл глаза.

Не полностью. Не с осознанным взглядом. Это было медленное, тяжелое размыкание век, после которого глаза оставались полуоткрытыми, стеклянными, невидящими. Но они были открыты. Он смотрел в пространство над кушеткой, не фокусируясь на чем-либо. Я подошла ближе, склонилась над ним.

– Ты здесь, – сказала я мягко, не ожидая ответа. – Ты выжил.

Его глаза медленно переместились. Они не встретились с моими, но остановились на моем силуэте. Он смотрел на меня как на объект, на пятно света в темноте. Затем его губы, потрескавшиеся и сухие, слегка приоткрылись. Он пытался что-то сказать. Ничего не вышло – только слабый, беззвучный шепот. Но это была попытка.

Я дала ему воды, осторожно поддерживая его голову. Он проглотил несколько капель, и его глаза закрылись снова. Но теперь это был не бессознательный сон, а глубокий, восстановительный отдых.

Леди Эльвира, оценив прогресс, позволила мне переместить его в более удобное положение, подложив подушки. Мы начали осторожно, по минутам в день, массировать его неповрежденные конечности, чтобы предотвратить атрофию мышц. Он реагировал на это слабыми движениями, признаками того, что тело помнило, как функционировать.

На седьмой день он произнес первое осознанное слово: «Воды».

Я дала ему воды, и он проглотил ее сам, без моей помощи, его глаза на этот раз сфокусировались на чашке, а потом на моем лице. Он не выразил признательности или понимания. Но это был взгляд, который видел. Который регистрировал.

Я продолжила лечение, день за днем, наблюдая, как силы возвращаются к его телу. Но теперь я наблюдала и за возвращением его сознания. И каждый новый признак этого – взгляд, слово, движение – был не просто медицинской победой. Это было приближение к тому моменту, когда мы должны будем выяснить кто он.

На десятый день он проснулся окончательно.

Это не было похоже на медленное возвращение из забытья. Его глаза открылись — резко, ясно, с острым, болезненным осознанием реальности. Он лежал неподвижно несколько секунд, лишь зрачки метались, сканируя потолок, стены, печь. Когда его взгляд упал на меня, сидевшую у кушетки с мотком свежих бинтов, в нем не было ни паники, ни благодарности. Был холодный, почти животный расчёт. Оценка угрозы. Оценка обстановки.

Я замерла, встретив этот взгляд. Он был другим человеком. Не тем беспомощным телом, что я лечила. В этом взгляде жил тот, кто знал, что такое цепи, и что значит от них бежать.

— Где я? — Его голос был низким, хриплым от долгого молчания, но твердым. Каждый слог давался ему усилием, но он не позволял слабости просочиться в тон.

— В усадьбе леди Эльвиры Вейлор, — ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал так же спокойно, как и его. — Вы были тяжело ранены.

Он медленно перевел взгляд на свои забинтованные руки, на грудь, на ногу, лежащую на подушках. Память возвращалась к нему физически — я видела, как напряглись мышцы его челюсти, как тень пробежала по его лицу. Он вспоминал боль.

— Сколько дней? — спросил он.

— Десять. Вы провели в лихорадке и беспамятстве десять дней.

Он кивнул, будто сверяя мои слова с какими-то своими внутренними подсчетами. Потом его взгляд снова стал пронзительным, цепким.

— Мои спутники. Мы были… — Он запнулся, подбирая слово. — Мы были вместе. В лесу. Где они?

– Скорее всего их нет уже в живых, – тихо произнесла я.

Его лицо исказила гримаса, в которой было и горе, и ярость, и что-то похожее на вину. Он закрыл глаза на мгновение, с силой сжав веки.

— Дым, — прошептал он. — Значит, они…, – мужчина не договорил. Но я поняла. Он решил, что его спутники мертвы. Сожжены.

Когда раненый открыл глаза, то в них горел новый огонь — недоверия ко мне, к этой комнате, к своему спасению.

— Ты одна «нашла» меня? — Он сделал ударение на слове.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он подозревал ловушку. Ложь, заготовленная для леди Эльвиры, застряла у меня в горле комом. Под его пронзительным взглядом она казалась хлипкой и наивной. Но полную правду — о том, как все было на самом деле — я тоже не могла выложить. Нужна была золотая середина: правдивая, но… приземлённая.

— Я шла по лесу, по старой тропе, — начала я, опустив глаза на свои руки, будто вспоминая. — Услышала шум. Сначала — голоса, потом… звуки схватки. Металл о металл. Я спряталась в зарослях папоротника и увидела…

Я сделала паузу, давая ему и себе время.

— Увидела вас. Вы отбивались от троих. Один упал у обрыва… звук был глухой, будто камень ударился. Остальные двое… преследовали вас, когда вы бросились бежать. Вы споткнулись о корень у старой ели, и один из них занёс над вами клинок.

Я подняла на него взгляд, стараясь говорить ровно, без дрожи.

— Я бросила в него камнем, что натертым специальной травой. Они смутились, в общем в суете, которая возникла так как в лица нападавшим попал сок с этого камня, мне удалось помочь вам скрыться в лесу. Они нас искали, поэтому мы какое-то время прятались, потом я нашла старую тележку и привезла вас сюда.

Он слушал, не шелохнувшись. Его взгляд был тяжелым, оценивающим каждое слово.

— Ты одна с помощью какого-то камня и травы обезвредила опасных наемников убийц? – на лице мужчины появилось недоверие.

– Ну кроме камня и травы при мне была наглость и эффект неожиданности, так что, да, – я кивнула понимая что действовала не то что опрометчиво, а даже глупо.

— И трое вооружённых головорезов испугались и отступили? – в его голосе звучало явное недоверие и насмешка над нелепостью такой картины.

– Можете не верить, – я даже обиделась на такое явное недоверие, хотя и сама понимала что звучало это мягко говоря абсурдно.

Он умолк, и напряжение в его плечах немного спало. История хоть и была на грани здравого рассудка, но она имела место быть. В ней были детали, которые сходились с клочками его собственной памяти.

— Леди Эльвире… своей благодетельнице… ты рассказала ту же историю? — спросил он, и в его тоне снова зазвучала осторожность.

— Нет, — честно призналась я. — Я сказала ей, что нашла вас на дороге, в канаве. Без сознания, одного.

— Зачем?

Вопрос прозвучал не как обвинение, а как требование понять логику.

— Она женщина в годах, — ответила я просто. — Её мир — это травы, книги и покой. Я не хотела сеять в этом мире панику. Не хотела, чтобы она ночами не спала, прислушиваясь к каждому шороху за дверью, думая, что за мной или за вами могли прийти те… другие. У неё слабое сердце.

Он долго смотрел на меня, и постепенно жёсткость в его взгляде сменилась на усталое понимание.

— Наверное, ты права, — он тяжело вздохнул и откинул голову на подушки, глядя в потолок. — Своих близких надо беречь. От правды, которая может их сломать… даже если эта ложь — слабая защита.

Он помолчал, а потом резко, будто поймав ускользающую мысль, повернул ко мне голову.

— Мне нужны перо и бумага. Сейчас. Пока я в сознании и у меня есть силы, чтобы написать письмо.

Я кивнула, не задавая лишних вопросов. Что-то в его глазах, в этой лихорадочной ясности, не терпело отлагательств. Я встала.

«В главном доме, в кабинете леди Эльвиры», — пронеслось у меня в голове. Я выскользнула из флигеля, оставив дверь приоткрытой, и почти побежала по утоптанной тропинке. Воздух, пахнущий дымком из трубы и влажной землей, ударил в лицо — свежий, резкий после долгих дней затворничества в комнате с запахом лекарств и болезни.

Я нашла всё быстро: плотную бумагу со стола, чернильницу, гусиное перо. Захватив также и маленькую деревянную подставку для писем, я уже поворачивалась к выходу, когда в дверях кабинета возникла сама леди Эльвира.

— Лира? Что-то случилось? — её взгляд мгновенно стал профессионально-оценивающим.

— Нет, всё в порядке. Наоборот, — я сделала паузу, переводя дух. — Он проснулся. Окончательно. Говорит, мыслит… и просит письменные принадлежности.

Брови леди Эльвиры плавно поползли вверх. Она молча взяла со стола ещё несколько листов бумаги, аккуратно сложила их и протянула мне.

— Это хороший знак. Сознание ясное, есть цели… и осторожность, — она произнесла последнее слово задумчиво. — Пойдём. Я должна его увидеть.

Мы шли обратно молча. Я несла письменный набор, а леди Эльвира — ту самую мудрость и спокойствие, которые, казалось, излучала её фигура. Входя во флигель, я увидела, что он не спал. Он сидел, опираясь на подушки, которые я перед уходом помогла ему подложить под спину. Его взгляд сразу перешёл с меня на леди Эльвиру, замер на мгновение, а затем смягчился — ровно настолько, насколько смягчается взгляд солдата, видящего не врага, а потенциального союзника или, по крайней мере, нейтральное лицо.

— Леди Эльвира, — сказала я, — это наш пациент. Сэр… — я запнулась, поняв, что даже имени его не знаю.

Он кивнул леди Эльвире, и в этом кивке была странная, усталая грация, смутно напоминавшая придворный поклон.

— Юная леди говорила, что я обязан вам своим кровом и, судя по всему, жизнью. Благодарю вас, — его голос всё ещё был хриплым, но слова звучали чётко и выверенно.

— Не стоит благодарностей, — с лёгким наклоном головы ответила леди Эльвира, подходя ближе. Её глаза бегло, но профессионально скользнули по его лицу, повязкам, положению тела. — Как вы себя чувствуете?

— Живой, — ответил он коротко, и в углу его губ дрогнуло что-то похожее на улыбку, но без веселья. — И достаточно вменяемым, чтобы сделать необходимое.

Он взял у меня из рук подставку, бумагу, перо. Его пальцы, длинные со старыми шрамами и мозолями на внутренней стороне ладоней, уверенно установили лист. Он обмакнул перо в чернила и, не колеблясь, начал писать. Рука двигалась быстро, почти без пауз, строки ложились ровно и плотно. Он писал не письмо, а скорее, донесение.

Леди Эльвира и я отступили к печке, давая ему пространство. Я ловила себя на мысли, что наблюдаю не за выздоравливающим, а за командиром на временном командном пункте. Он закончил, аккуратно сложил лист втрое, взял второй чистый лист и написал что-то короткое на нём — адрес, как я поняла.

Только тогда он поднял голову и протянул письмо леди Эльвире.

— Мадам. Я понимаю, что прошу многого. Но это сообщение должно уйти. Как можно скорее и… с максимальной незаметностью. Оно адресовано в «Серебряный Феникс» на Рыночной площади в столице. Если такого названия нет — отдайте на главную почтовую контору. За траты и хлопоты я рассчитаюсь, как только смогу.

Леди Эльвира приняла письмо так же спокойно, как принимала целебные коренья. Она не взвешивала его на ладони, не разглядывала, лишь кивнула.

— «Серебряный Феникс» мне известен. Это солидная торговая контора. Письмо будет доставлено, — её тон не оставлял сомнений. Потом она посмотрела на него внимательнее. — А как нам следует к вам обращаться, сэр? Для удобства.

Он замешкался. Всего на долю секунды, но это было заметно.

— Ласло, — сказал он наконец. — Меня зовут Ласло.

И в ту же секунду, синхронно, наши с леди Эльвирой взгляды встретились и тут же расцепились. Мы обе поняли одно и то же. Говорил он это слишком ровно, слишком просто. Как заученный урок. В этом имени не было ни семейной истории, ни титула, ни намёка на род. «Ласло». Как отчеканенная монета без герба — просто кусок металла. Он что-то утаил. Часть имени, титул, а возможно, и всё сразу.

Но леди Эльвира лишь снова кивнула, на этот раз — принимая не только имя, но и правила игры.

— Очень хорошо, Ласло. Теперь вам нужен покой. Лира, проследи, чтобы он принял необходимые отвары.

Она повернулась к выходу, сжимая в руке то самое письмо, которое теперь казалось тяжелее свинца. На пороге она обернулась.

— И, Ласло… добро пожаловать обратно в мир живых. Постарайтесь оставаться в нём подольше.

Она вышла. В комнате снова остались мы вдвоём. Ласло откинулся на подушки, и по его лицу пробежала тень крайнего утомления. Но в его глазах, устремлённых в окно, где медленно сгущались вечерние сумерки, горела не усталость, а тревожная, нетерпеливая решимость. Письмо было отправлено. Теперь начиналось ожидание ответа. И я не знала, чего бояться больше — того, что ответ не придёт, или того, что он придёт.

Следующие дни текли медленно и напряженно, как густой сироп. Ласло, теперь уже Ласло, а не «раненый» или «он», начал понемногу возвращать себе власть над телом. Сначала он мог лишь сидеть, опираясь на подушки, потом — с моей помощью — вставать и делать несколько шагов до окна. Каждое движение давалось ему через боль, но он никогда не стонал. Лишь сжимал челюсти, и тонкие морщинки у уголков глаз становились глубже.

Я приносила еду, меняла повязки, готовила отвары. Наши разговоры в первые дни после его «пробуждения» были похожи на осторожное фехтование тупыми рапирами — много движений, но без намерения поразить.

— Вы пишете левой рукой, — заметила я как-то раз, наблюдая, как он снова что-то чертит на клочке бумаги (я принесла ему мел и грифельную доску, чтобы не тратить дорогую бумагу). — Но мозоли… они на обеих. От меча?

Он не поднял головы, продолжая вести ровную линию. Казалось, он рисовал карту или план.

— От многих вещей, — ответил он уклончиво. — Меч — лишь одна из них. А вы… откуда знаете, как выглядят мозоли от меча, Лира?

Удар был парирован и немедленно возвращен. Я занялась перевязкой раны на его плече, стараясь не причинять лишней боли.

— В библиотеке леди Эльвиры есть иллюстрированные трактаты по анатомии и фехтованию, — объяснила я свои выводы. Когда я учила язык, я старалась оттачивать навык на всевозможной литературе, и данный трактат попался мне на глаза, но я не стала углубляться в объяснения.

Он хмыкнул, и в этом звуке впервые прозвучало нечто, отдаленно напоминающее одобрение.

— У леди Эльвиры необычная для дамы ее круга библиотека.

— У леди Эльвиры необычная для дамы ее круга жизнь, — парировала я.

Наступила пауза. В комнате было тихо, слышалось лишь потрескивание поленьев в печке и скрип его грифеля по доске.

— А почему Лира? — спросил он вдруг, отложив грифель. Его взгляд был тяжелым и прямым. — Это не самое распространенное имя в этих краях. Оно звучит… старинно. Почти мифически.

Мое сердце екнуло. Он не спрашивал о леди Эльвире. Он спрашивал обо *мне*. И имя было ключом, который я не была готова повернуть.

— Моя мать любила старые баллады, — сказала я, и голос мой прозвучал чуть более жестко, чем я планировала. Ложь не желала выходить из моих уст, но не могла же я рассказать ему, что я попаданка и в прошлой жизни была врачом, а имя Лира очень схоже с моим прежним именем.

Ласло смотрел на меня, и в его глазах что-шевельнулось — не насмешка, а понимание. Он кивнул, как будто получил именно тот ответ, которого ожидал.

— Умные женщины, — произнес он задумчиво, — часто предпочитают окружать себя книгами и травами, а не… придворной суетой. Это мудрый выбор.

В его словах не было лести. Была констатация факта. И почему-то от этого простого признания моего «выбора» внутри стало и тепло, и неловко одновременно. Я потупила взгляд, делая последний узел на повязке.

— Вам нужно отдохнуть. Солнце уже садится.

Но он не отпускал тему. Желала узнать, выведать как можно больше.

— А она? Леди Эльвира? Она ваша… тетя? Благодетельница?

Я встретила его взгляд. Он был спокоен, но за этим спокойствием стоял тот же аналитический интерес, с каким он изучал набросок на грифельной доске.

— Она — человек, который дал мне кров и тишину, когда они были нужнее всего, — ответила я честно. Более честно, чем планировала. — Для меня она — семья. Все, что у меня есть.

Он снова кивнул, и на сей раз в его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение. Или на узнавание. Как будто понял цену такой преданности и такое одиночество.

— Это много, — тихо сказал он. — Это больше, чем есть у многих.

Вечером, унося поднос с почти пустой тарелкой (он начал есть с аппетитом, что было хорошим знаком), я задержалась у двери. — Завтра, если будет силы, можно попробовать дойти до кресла у камина, — предложила я. — Вид немного разнообразится.

Он уже лежал, прикрыв глаза, но уголки его губ дрогнули.

— Прикажете марш-бросок, сестра милосердия?

В его голосе прозвучала легкая, едва уловимая насмешка, но беззлобная. Почти дружеская.

— Приказываю здравый смысл, пациент, — отозвалась я, и собственные губы потянулись в улыбку. Я быстро вышла, закрывая дверь.

Стоя в темном коридоре, я приложила ладонь к груди. Сердце билось чуть быстрее обычного. Я списала это на усталость, на беспокойство, на тяготы дня. Но где-то в глубине, в том месте, куда я редко заглядывала, шевельнулось смутное, непонятное чувство. Оно было связано с тем, как он сказал «сестра милосердия» — не как с титулом, а как с шутливым прозвищем. С тем, как он понял про мое одиночество, не осуждая его. С тем, как его длинные, исчерченные шрамами пальцы уверенно держали грифель, словно оружие, которым он теперь сражался за свое возвращение в мир.

Когда я легла в постель, последним образом перед сном было выражение его глаз в тот миг, когда он сказал: «Это больше, чем есть у многих». В них была тень такого же одиночества, которое я носила в себе. И против этой тени мои осторожность и страх начали незаметно, по капле, отступать.

Глава 5.

А потом пришел день «марш-броска» к креслу у камина. Как и обещала, я предложила ему попробовать. Он молча кивнул, сдвинул одеяло и приготовился встать. Я знала, что мое присутствие было необходимо больше как страховка. На тот случай, если его нога, еще неокрепшая после травмы, подведет, он рухнет на пол.

— Не спешите. Опирайтесь на меня, — сказала я, подставляя плечо и протягивая руку, чтобы он мог ухватиться. Он взялся, его пальцы обхватили мою кисть. Хватка была сильной, несмотря на слабость, и я снова почувствовала шершавые мозоли и тонкие рубцы на его коже. Мы сделали первый, неверный шаг, потом второй. Он дышал сквозь зубы, и я слышала этот сдавленный звук, видела, как на его лбу выступили капельки пота. Но он двигался вперед, медленно, методично, уставившись на цель — высокое кожаное кресло.

Два шага до него. Один. Он отпустил мое плечо, чтобы схватиться за подлокотник, и почти всей своей тяжестью оперся на мою руку, которую все еще сжимал. В тот момент, когда он стал разворачиваться, чтобы опуститься в кресло, его раненое плечо дернулось от боли. Он невольно надавил на мою руку, и я почувствовала, как его пальцы на мгновение сжались вокруг моих с такой силой, что кажется, что кости хрустнули.

— Простите, — пробормотал он, уже почти сидя, и его хватка тут же ослабла. Я собиралась убрать руку, поправить подушки за его спиной, как вдруг он снова схватил меня. Не сильно, но твердо, удерживая меня за кисть.

— Ласло? — удивленно позвала я. Он не отвечал. Его взгляд был прикован не к моему лицу, а к моей руке, которую он держал. Точнее, к внутренней стороне моего запястья. Там, где складка кожи между ладонью и предплечьем, у меня был небольшой, почти незаметный шрам. Этот шрам остался мне в память о моей прошлой жизни и от медицины, которой я когда то занималась. Откуда он взялся, я понятия не имела, но он был уже, когда я пришла в себя в этом мире.

Его лицо изменилось. На миг в глазах промелькнуло нечто острое,словно бы тень узнавания, а затем — холодная маска настороженности, сменившая привычную сдержанность. Он не сводил глаз с этого бледного, неровного пятна кожи.

— Откуда это? — Его голос был низким, лишенным всякой дружелюбной насмешки. Простым. Требующим.

— Старый ожог, — ответила я, пытаясь высвободить руку. Его хватка не ослабевала. — Не помню уже откуда. Наверное в детстве обожглась. Он медленно перевел взгляд с моего запястья на мое лицо. Искал что-то в моих глазах. Несоответствие. Панику. Ложь.

— Странный ожог, — произнес он наконец. Его большой палец провел по шраму, и я невольно вздрогнула. Форма и правда была необычной — не круглая и не овальная, а скорее продолговатая, с неровными краями. Как от соприкосновения с чем-то цилиндрическим и очень горячим.

— Какой есть, – огрызнулась он отпустил мою руку. Откинулся в кресло, но его взгляд уже не был устремлен в окно. Он был прикован ко мне. Атмосфера в комнате сгустилась, стала вязкой. Игра в осторожные вопросы закончилась.

— Вы много читаете, Лира, — начал он снова, и его тон был обманчиво спокойным. — В библиотеке леди Эльвиры. Трактаты по анатомии. По фехтованию. А что насчет… алхимии? Или механики?

— Механика меня мало интересовала, — отрезала я, отходя к печке, чтобы сложить дрова под предлогом занятости. Мне нужна была дистанция. — А алхимия — это суеверия и поиск философского камня. Леди Эльвира предпочитает более прикладные знания — травы, хирургию.

— Прикладные, — повторил он за мной, и в его голосе снова прозвучала та же насмешка, что была вчера, но теперь она была острой, как лезвие. — Вы знаете, как выглядят мозоли от меча из книг. Знаете, как обрабатывать рану, чтобы избежать гангрены, лучше, чем многие полевые лекари. У вас на руке шрам от предмета, который редко встретишь в доме даже знатной дамы, не говоря уж о… прислуге. И вы рассказываете мне сказки о камнях с соком, обращающих в бегство профессиональных убийц. Я замерла у печи, спиной к нему.

— Что вы хотите сказать, Ласло?

— Я хочу сказать, Лира, что вы так же мало похожи на обычную сиделку или компаньонку, как я — на честного купца по имени Ласло. И это… заставляет задуматься. Особенно в моем положении.

Я обернулась. Он сидел в кресле, освещенный колеблющимся светом огня. В его глазах больше не было ни усталой дружелюбности, ни молчаливого понимания. Была жесткая, отточенная подозрительность человека, для которого каждая нестыковка — потенциальная угроза.

— Вы подозреваете, что я подослана к вам? — спросила я, и мой собственный голос прозвучал холодно. Обида и страх смешались внутри в ядовитый коктейль. — Что я все это время вас выхаживала, чтобы… что? Выведать ваши секреты? Дождаться, пока вы напишете то письмо?

— Эта мысль приходила мне в голову, — признался он без колебаний. — История вашего спасения была неправдоподобной с самого начала. Слишком удобной. Как и ваше появление в лесу именно в тот момент. Теперь этот шрам…

Мы смотрели друг на друга через комнату. Тишину нарушало лишь потрескивание поленьев. Я поняла, что нахожусь на краю. Еще одна неуклюжая ложь, и хрупкое доверие, которое начало формироваться, рухнет. И я останусь в этой комнате не с пациентом, а с врагом, который видит во мне агента тех, кто на него охотится.

— Откуда это? — повторил он вопрос, его голос был низким, лишенным всякой дружелюбной насмешки. Мое сердце заколотилось.

— Я… не помню, — сказала я честно. — Я же сказала, старый шрам, с детства. Я думала, это просто ожог от чего-то горячего. Почему вы спрашиваете?

Он медленно посмотрел мне прямо в глаза.

— Очень странная форма. И очень специфичное место.

— Что вы хотите сказать? — спросила я, чувствуя, как от его пристального взгляда внутри все холодеет.

— В этом месте, — сказал он тихо, но отчетливо, — некоторые организации ставят свои знаки. Метки принадлежности. А когда человек хочет от них избавиться… или когда организация хочет избавиться от человека, но сохранить секретность… знак выжигают. Специальным инструментом. Оставляет след именно такой формы. Неровный, как будто выдернутый из кожи вместе с памятью.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

— Это бред, — выдохнула я. Я все задрожала от испуга и уставилась на свою руку. — Я не член никакого ордена! Я никогда не была! Я просто… я живу здесь с леди Эльвирой! Что за невероятную историю вы сочиняете?

— Невероятную? — мужчина изогнул вопросительно одну бровь. — Вы появились в лесу в момент нападения. Вы, одна женщина, отвадили трех убийц с помощью «камня с травой». Вы привезли меня здесь, в уединенную усадьбу, где лечите меня с мастерством, которому позавидовал бы придворный хирург. И у вас на руке шрам, который встречается у людей, связанных с темными делами и тайными обществами. Вы называете это невероятным? Для меня это выглядит как очень продуманный план.

От его слов меня охватила смесь страха и возмущения.

— Продуманный план? — я почти закричала, но голос дрогнул. — Какой план? Зачем мне все это? Если я хочу вас захватить или выпытать что-то, почему я тратила дни, выхаживая вас? Почему я не просто связала вас, когда вы были без сознания, и не начала пытать? Это было бы проще! Гораздо проще!

Ласло уставился на меня. И вдруг… рассмеялся. Это был короткий, резкий, почти горький звук.

— Проще, — повторил он, и в его смехе было что-то страшное. — Просто схватить и пытать. Вы думаете, меня не пытали никогда, Лира?

Я замерла, не в силах вымолвить слово. Его лицо стало жестким, каменным.

— Пытали. Не один раз. И знаете, что происходит с человеком под хорошей пыткой? Он рассказывает все. Все, что знает. И все, чего не знает, но может придумать, чтобы остановить боль. После этого он либо мертв, либо сломлен так, что уже никому не опасен и никому не интересен. Вылечить такого человека до состояния, в котором он сможет написать осмысленное письмо, вспомнить важные детали, вести тонкие разговоры… Это гораздо сложнее. Это требует времени, терпения и навыков. Это требует… сиделки.

Я стояла, чувствуя, как каждое его слово вбивает в меня холодные гвозди. Он не просто подозревал меня в случайном совпадении. Он видел во мне часть сложной, многоходовой операции.

— Я не та сиделка, — сказала я тихо, почти беззвучно. — Я просто… я просто оказалась там.

Он откинулся в кресло, закрыл глаза на мгновение. Когда открыл их, в них была лишь усталая, беспощадная ясность.

— Возможно. Возможно, вы просто оказались там. И ваш шрам — просто случайный ожог. И ваши знания — просто любовь к книгам. В моем мире такие возможности… маловероятны. Но они есть. Поэтому я еще не убил вас.

Это не было угрозой. Это был факт, выложенный на стол между нас. — Принесите мне обед, — сказал он, отвернувшись к огню. — И спасибо за помощь до кресла.

Я вышла из комнаты, как автомат. Но теперь в моей голове не крутился страх за леди Эльвиру или за себя. В ней крутилась одна мысль, холодная и четкая: *Он думает, что я могла быть частью чего-то большого и страшного. Он думает, что мой шрам — метка, которую выжгли. А я не помню, откуда он.*Это было хуже любой лжи. Это была пустота в моей памяти, которая могла быть заполнена чем-то, о чем я даже не подозревала. И человек в кресле у камина видел в этой пустоте доказательство своей правды.

В голове гудел металлический звон, а руки двигались сами, будто я была механической куклой на заводе. Я принесла обед на подносе — теплый хлеб, густой бульон с кусочками курицы, вареные коренья. Ласло сидел в кресле, неподвижный, лицо освещено огнем камина. Он не смотрел на меня.

Я поднесла поднос к маленькому столу рядом с креслом. Он не протянул руку к еде. Все так же молчал.

— Можете есть сами? — спросила я тихо.

— Да, — ответил он одним словом, не поворачиваясь.

Я поняла, что моя помощь ему сейчас в тягость. Не столько физически, сколько психологически. Я была предметом его аналитической работы, возможной угрозой, которую он еще не решил устранить. Присутствие рядом только сильнее напоминало ему о его подозрениях.

Я отступила к печи, начала складывать дрова — делала что-то, чтобы не стоять просто. Я наблюдала за ним украдкой. Он ел медленно, но точно — каждый кусочек поднимал с той аккуратностью, которую я заметила в его движениях ранее. Ни одной лишней мускулы в теле. Усталое, но сконцентрированное внимание на процесс. Еда была ему нужна как топливо, а не как удовольствие.

Когда он закончил и отодвинул поднос, я подошла, чтобы помочь ему вернуться к кровати.

— Я хотел бы дойти сам, — попросил он, не глядя на меня.

— Вы все еще слабы, — сказала я твердо. Мой страх уже превратился в холодную, четкую решимость. Да, он подозревал меня. Да, он мог представлять опасность. Но пока я его сиделка, я выполняю свою работу. И в его состоянии он не мог рисковать, теряя силы на очередной «марш-бросок». — Позвольте помочь. Это безопаснее.

В этот момент наши глаза встретились. В его взгляде было что-то новое — не просто подозрение, а почти научная оценка. Он изучал меня в этот момент. Не как врага, а как сложный механизм, который нужно понять.

— Хорошо, — он согласился и протянул руку.

Мы двигались обратно медленно, без слов. Его движения были увереннее, но я чувствовала напряжение в его мышцах — не от боли, а от контроля. Он контролировал каждый шаг, контролировал свое тело, контролировал ситуацию. И контролировал меня рядом.

Когда он лежал уже на кровати, откинувшись на подушки, я поправила одеяло.

— Я уйду сейчас, — сказала я. — Вы можете отдыхать.

Он не ответил. Его глаза уже были закрыты, но я знала — он не спал. Он думал. Обдумывал все, что сказал, все, что увидел. И решал что делать дальше.

Выйдя из флигеля, я пошла в основной дом. Я прошла по коридору, поднялась по лестнице в библиотеку, где леди Эльвира обычно сидела за своим письменным столом.

Леди Эльвира была там, перебирая какие-то старые свитки. Она заметила меня сразу — и мою дрожь, которую я пыталась скрыть.

— Лира? Что-то произошло? — она отложила свиток и пристально посмотрела на меня.

Я не могла молчать. Слова вырвались наружу — все, что сказал Ласло, его подозрения, его уверенность в том, что шрам — метка, что я могла быть частью «плана». Я рассказала, как он говорил о пытках, о том, как «сиделка» была удобным инструментом для восстановления, а не для захвата. И главное — о его заключении: «В моем мире такие возможности… маловероятны. Но они есть. Поэтому я еще не убил вас.»

Леди Эльвира слушала молча, не перебивая. Когда я закончила, она медленно подняла свою чашку чая и отпила.

— Он сказал, что шрам — метка? Выжженная метка? — переспросила она мягко.

— Да, — ответила я, опустив голову. — Он сказал, что некоторые организации ставят знаки в этом месте. А когда человек хочет от них избавиться… или когда организация хочет избавиться от человека… знак выжигают специальным инструментом.

Леди Эльвира медленно поставила чашку на стол.

— И ты действительно не помнишь, откуда он? — она спросила, и ее голос был не подозрительным, а просто… любопытным.

Я удивленно посмотрела на нее.

— Леди Эльвира, неужели вы тоже подозреваете, что я участвовала в каких-то тайных орденах? Что я могла быть… кем-то другим?

Леди Эльвира рассмеялась — легкий, немного снисходительный смех.

— Нет, конечно нет, — сказала она, улыбаясь. — Я знаю тебя, Лира. Знаю твое сердце. Но место для шрама… и его форма… в самом деле интересное. И если Ласло, человек, который явно знаком с такими вещами, узнал его… это говорит о том, что такая практика существует в его мире. И возможно, в его прошлом.

Я стояла, чувствуя себя одновременно облегченной и еще более запутанной.

— Так что же это может быть? Если я не была в ордене… откуда этот шрам? — я спросила, почти умоляя.

Леди Эльвира медленно поднялась со своего места и подошла к окну. Она задумчиво посмотрела на снежные поля за стеклом.

— Возможно, ты никогда не была в ордене. Но возможно… этот шрам связан с чем-то другим. С тем, что ты забыла. Или с тем, что ты не знала, что знала.

Она повернулась к мне.

— Ты говорила, что когда ты пришла в себя в этом мире… ты уже была с этим шрамом. Так?

— Да, — я ответила. — Он был уже тогда. Я не знаю, откуда.

— Значит, — леди Эльвира медленно сказала, — возможно, ты пришла не только с памятью о своей прошлой жизни… но и с физическими следами чего-то, что было в той жизни. Или… возможно, этот шрам появился в момент твоего перехода. Или… возможно, это просто случайный ожог, как ты думала.

Она подошла ближе и взяла мою руку, внимательно посмотрела на шрам.

— Но если Ласло считает, что это метка… значит, такая метка существует в его мире. И если она существует… значит, кто-то, возможно, мог ее заметить и сделать выводы, которые он сделал. И это не значит, что ты — часть этого. Это значит, что ты оказалась в мире, где такие знаки имеют значение.

Я смотрела на леди Эльвира, и в голове медленно формировалась мысль.

— Так… он не подозревает меня из-за того, что я действительно член ордена. Он подозревает меня из-за того, что шрам похож на метку ордена. И поэтому он строит свою версию, которая может быть… может быть неправильной.

Леди Эльвира мягко отпустила мою руку.

— Возможно, — сказала она. — Но теперь ты знаешь, что для него это выглядит как доказательство. И это значит, что ты должна быть осторожной. Не только потому, что он может быть опасным, но потому, что его подозрения могут привести его к действиям, которые могут быть опасны для тебя.

Она вернулась к своему столу и взяла свиток.

— Я не могу сказать тебе, что делать дальше, Лира. Но я могу сказать, что ты должна думать не только о том, что он думает о тебе… но и о том, что ты думаешь о себе. Этот шрам… он может быть просто шрамом. Но он может быть ключом к чему-то, что ты забыла. И если Ласло признал его… возможно, он знает больше, чем ты.

Я стояла там, в тишине библиотеки, и чувствовала, как моя уверенность медленно растворяется. Леди Эльвира не дала мне ответов. Она дала мне больше вопросов. Даже немного запутала.

Но в одном она была права — теперь я знала, что шрам не просто шрам. Для Ласло он был уликой. И если он был уликой для него… Мне нужно было понять, что это значит, для меня самой.

Я осталась с леди Эльвирой еще на час, может, больше. Мы пили чай с мятой и медом, она рассказывала какие-то старые, неважные истории о том, как в усадьбу однажды зимой забрел медведь-шатун. Я слушала, кивала, улыбалась. Но за этим простым, почти домашним уютом, в глубине сознания, тихо сверлила мысль: *шрам-метка, шрам-метка, шрам-ключ.*

Когда часы пробили одиннадцать, я собралась с силами, попрощалась и направилась обратно в флигель. Ночь была глухая, на улице было довольно прохладно.В главном доме уже не горел свет, только у меня и, как я думала, у Ласло.

Проходя мимо его комнаты, я намеренно замедлила шаг. Тишина. Я уже было подумала, что он спит, и потянулась к ручке своей двери, как вдруг услышала — не крик, а сдавленный, глубокий стон, полный такой животной муки, что у меня по спине пробежали мурашки.

Я замерла. Стон повторился, на этот раз переходя в неразборчивое бормотание. Кошмар. Я резко развернулась и, не раздумывая, вошла в его комнату.

Он лежал на спине, одеяло сброшено на пол. Лицо было искажено гримасой боли, мышцы шеи и плеч напряжены до каменной твердости. На лбу и висках блестел холодный пот, пропитавший волосы.

– Ласло, — позвала я тихо, но он не отзывался. — Ласло!

Он продолжал метаться, губы шептали что-то на незнакомом языке. Я подошла ближе и, действуя чисто на рефлексе, протянула руку, чтобы проверить, не вернулась ли лихорадка. Мои пальцы едва коснулись его горячего, влажного лба…

Он двинулся с молниеносной, хищной скоростью, которой я никак не ожидала от раненого человека. Его рука — не та, что была ранена, а сильная, цепкая правая — схватила меня за запястье, как капкан. Резкий рывок, и я, не успев даже вскрикнуть, потеряла равновесие. Меня потащило вперед, я рухнула на него всем весом, грудь к груди.

Воздух вырвался из моих легких. Я оказалась прижатой к нему, мои бедра между его ног, лицо — в нескольких сантиметрах от его лица. От него пахло потом, лекарствами и чем-то диким, первобытным. Его глаза были открыты, но в них не было осознанности — только мрак кошмара и инстинктивная, оголтелая настороженность. Его тело подо мной было твердым, горячим, живым. Я замерла, парализованная внезапностью, близостью и странным, запретным электричеством, которое пробежало по моей коже в местах соприкосновения.

Он смотрел на меня, и его взгляд медленно прояснялся. Сознание возвращалось, но дикий огонь в глубине зрачков не угас. Его рука все еще сжимала мое запястье, вторая поднялась и впилась пальцами мне в бок, удерживая на месте. Дыхание было горячим и прерывистым.

— Ты, — прошептал он хрипло.

И прежде чем я успела что-то сказать, протестовать, вырваться — его губы нашли мои.

Это не был нежный поцелуй. Это был захват. Утверждение. Вкус соли, горечи и чистой, необузданной силы. Его губы были жесткими, требовательными, они заставили мои собственные ответить — не сразу, но ответить, против моей воли, против всякого разума. Вся комната пропала, исчезли подозрения, страхи, ледяная пустота в памяти. Осталось только это — жар, давление, волна огня, которая поднялась из самой глубины и затопила меня с головой. Я на мгновение забыла, кто он, кто я, забыла все. И в этом забвении было что-то пугающе сладкое.

Но только на мгновение. Мысль, острая и холодная, как лезвие, пронзила туман: *Он думает, что ты часть плана. Это может быть частью проверки. Или просто… животная реакция.*

Я рванулась назад, выдернув руку из его ослабевшего, но все еще цепкого захвата. Откатилась от него, чуть не упала с кровати, и встала, шатаясь. Губы горели, сердце колотилось где-то в горле.

— Если бы вы не были больны, — выдохнула я, голос дрожал от ярости, стыда и остатков того самого огня, — я бы дала вам пощечину, которую вы бы запомнили до конца своих дней!

Он лежал, опершись на локоть, тяжело дыша. Пот все еще стекал по его вискам, но в глазах уже горел не кошмар, а совсем иной, едкий и насмешливый огонь. Уголок его рта дрогнул.

— Неужели я так плохо целовался? — его голос был низким, хриплым от сна, но в нем явственно звучала издёвка.

Это было последней каплей. Вся моя растерянность, весь испуг и непонимание вылились в яростный ответ.

— Целоваться — это когда оба хотят, милорд! А не когда один хватает другого в приступе кошмара! — я бросила эти слова ему в лицо и, не дожидаясь ответа, резко развернулась. — Вызывайте в следующий раз, если что-то нужно. Или научитесь спать спокойно!

Я вышла, громко хлопнув дверью, и прислонилась к холодной деревянной стене в коридоре. Колени подкашивались, по щекам пылал жар. Я провела языком по губам, все еще чувствуя на них давление его губ, их вкус. Ярость боролась с чем-то другим — смутным, тревож-

ным, живым. Он был опасен. Во всем. В своих подозрениях, в своих знаниях, в этой своей дикой, неконтролируемой силе, которая прорывалась даже сквозь сон и раны.

А я… я ответила на его поцелуй. И что самое страшное он мне понравился.

Глава 6.

Мне понравился поцелуй.

Эта мысль, ясная и безжалостная, повисла в тишине. Не просто физический отклик, о котором можно было бы сказать «животный инстинкт». Нет. Это было что-то глубже. Разрушительное влечение к той самой силе, которая могла меня сломать. К его опасности. К той бездне подозрений, что таилась в его глазах. Я ненавидела себя за эту слабость. И ненавидела его – за то, что он ее вскрыл одним грубым движением.

Сон не шел. Я ворочалась на узкой кровати, прислуши

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.